

ВИТАЛИЙ ТИХОНОВ

ПОЛЕЗНОЕ ПРОШЛОЕ

И. Сталин.

В. ЛЕНИН

ИСТОРИЯ
ВЕСЕСОЮЗНОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ
(БОЛШЕВИКОВ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1938

ИСТОРИЯ
В СТАЛИНСКОМ
СССР

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Виталий Витальевич Тихонов
Полезное прошлое. История
в сталинском СССР
Серия «Что такое Россия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70049116

*Полезное прошлое. История в сталинском СССР: Новое литературное
обозрение; Москва; 2024
ISBN 9785444823273*

Аннотация

Контроль над прошлым в сталинское время был одним из важнейших способов манипуляции общественным сознанием и мобилизации масс. Используя исторические аллегории в качестве идеологического инструмента, пропаганда с их помощью объясняла зрителю или читателю текущую политическую ситуацию и создавала так называемое полезное прошлое – неисчерпаемый ресурс для поддержания власти вождя. Книга Виталия Тихонова исследует сложные отношения, которые установились между сталинским режимом и исторической наукой. Автор рассказывает о том, как Сталин читал исторические труды, воспринимал историю и вмешивался в производство научного знания, а также о роли исторических юбилеев и культе исторических героев в идеологии. Значительное внимание в работе уделено и профессиональным ученым,

оказавшимся заложниками эпохи, – их месту и роли в исторической политике. Книга призвана ответить на вопросы, как была устроена эта своеобразная «историографическая вертикаль власти» и как идеологические кампании и дискуссии меняли концептуальный облик советской исторической науки. Виталий Тихонов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, специалист по социальной истории науки, институциональной истории и истории исторической науки XX века.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	10
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В 1920–1940-Е ГОДЫ	22
СТАЛИН ЧИТАЕТ ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ И СМОТРИТ ИСТОРИЧЕСКОЕ КИНО	60
СТАЛИН ЧИТАЕТ ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ	60
СТАЛИН СМОТРИТ ИСТОРИЧЕСКОЕ КИНО	79
СТАЛИН РЕДАКТИРУЕТ ИСТОРИЮ ПАРТИИ	86
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Виталий Тихонов
Полезное прошлое.
История в
Сталинском СССР

УДК 930(091)(47+57)«193/195»

ББК 63.1(2)61

Т46

Партнер проекта

ВОЛЬНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Редактор серии Д. Споров

Исследование подготовлено автором при поддержке Российского научного фонда, грант № 23-18-00303 по теме «Советский исторический нарратив: содержание, акторы и механизмы конструирования»

Виталий Тихонов

Полезное прошлое: История в сталинском СССР / Виталий Тихонов. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – (Серия «Что такое Россия»).

Контроль над прошлым в сталинское время был одним из важнейших способов манипуляции общественным сознанием и мобилизации масс. Используя исторические аллегории в качестве идеологического инструмента, пропаганда с их помощью объясняла зрителю или читателю текущую политическую ситуацию и создавала так называемое полезное прошлое – неисчерпаемый ресурс для поддержания власти вождя. Книга Виталия Тихонова исследует сложные отношения, которые установились между сталинским режимом и исторической наукой. Автор рассказывает о том, как Сталин читал исторические труды, воспринимал историю и вмешивался в производство научного знания, а также о роли исторических юбилеев и культе исторических героев в идеологии. Значительное внимание в работе уделено и профессиональным ученым, оказавшимся заложниками эпохи, – их месту и роли в исторической политике. Книга призвана ответить на вопросы, как была устроена эта своеобразная «историографическая вертикаль власти» и как идеологические кампании и дискуссии меняли концептуальный облик советской исторической науки. Виталий Тихонов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, специалист по социальной истории

науки, институциональной истории и истории исторической науки XX века.

В оформлении обложки использован кадр из к/ф «Иван Грозный» (режиссер и автор сценария С. Эйзенштейн, операторы Э. Тиссе, А. Москвин), 1944 г.

ISBN 978-5-4448-2327-3

© В. Тихонов, 2024

© У. Агбан, иллюстрации, 2024

© Д. Черногаев, дизайн серии, 2024

© ООО «Новое литературное обозрение», 2024

ВВЕДЕНИЕ

Сразу после смерти Сталина историк, доцент МГУ С. С. Дмитриев записал в своем дневнике: «Великая, гигантская эпоха это тридцатилетие: она всем наполнена, и больше всего Сталиным». Действительно, огромная страна прошла значимый исторический отрезок своего развития в тени вождя, чья личность наложила отпечаток на все сферы жизни. Разумеется, история не стала исключением. Когда мы говорим о сталинской эпохе, мы не можем игнорировать вопрос манипуляции историческим знанием, превратившемся в руках диктатора и его сподвижников в важный инструмент утверждения власти, управления общественным сознанием и мобилизации масс.

Как тут не вспомнить знаменитый лозунг из антиутопии Дж. Оруэлла «1984»: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым». Знание о прошлом превратилось в культурную технологию управления, поэтому сталинизм – это еще и сталинская историческая идеология, то есть система образов прошлого, ставших идеологемами, усилия пропаганды по их внедрению и специфические механизмы утверждения нужных власти представлений о прошлом, необходимого в первую очередь для утверждения статуса самого Сталина. Историзация стала одним из основных идеологических ме-

тодов сталинской пропаганды, а историческая аллегория – ее основным приемом. При помощи исторических образов зрителю или читателю объяснялась текущая политическая ситуация, а тот, в свою очередь, видел в образах Ивана Грозного, Петра Великого самого Сталина. Так создавалось «полезное прошлое», рассматривавшееся в качестве неисчерпаемого ресурса для идеологии и поддержания сталинского режима.

Разумеется, само понятие «полезное прошлое» советскими идеологами не использовалось. Его изобретателем считается американский литератор и историк культуры В. В. Брукс, который на излете Первой мировой войны призывал американцев создать собственное «полезное прошлое», «живительное» и способствующее процветанию Америки.

Таким образом, инструментализация истории (в данном случае я буду говорить не только об исторической науке, но и о массовой исторической культуре и политике памяти) не является признаком исключительно сталинского СССР или какого-то другого конкретного режима. Подобные элементы можно обнаружить в любой политической системе, даже вполне плюралистичной и демократической. Однако в СССР 1930–1940-х годов в условиях монополии власти и почти полного отсутствия альтернативных источников информации историческая политика становилась весьма эффективной. Обращение к прошлому стало важной формой легитимации власти и ее достижений, реальных и мнимых.

Почему идеология сталинизма такое внимание уделяла прошлому? На этот вопрос есть ряд ответов. При жизни Сталина поворот в идеологии объясняли по-разному, в том числе и в зависимости от собственных политических позиций. Так, его главный оппонент Лев Троцкий писал о контрреволюционных процессах, «преданной революции» и бюрократизации в сталинском СССР, вылившихся в помпезные псевдоисторические формы культуры. Русский эмигрант Николай Тимашев, в 1946 году выпустивший книгу «Великое отступление», связывал этот процесс с националистическими симпатиями вождя партии, крахом к началу 1930-х годов надежд на мировую революцию и появлением нацистской угрозы.

В знаменитой книге культуролога Владимира Паперного «Культура Два» это объясняется глобальным движением социально-культурных структур советского общества, переходом от ориентированной на будущее «культуры 1» (авангард 1920-х) к консервативной «культуре 2» 1930-х годов, обращенной в мифологизированное и монументальное прошлое. Безусловно, такой подход хорошо фиксирует сам процесс и некие фундаментальные закономерности развития отечественной культуры, но плохо отражает конкретные исторические механизмы, приведшие к такому результату.

Американский историк Дэвид Бранденбергер рассматривает сталинскую политику памяти как конструирование сложных, идеологически перегруженных нарративов, соче-

тающих образы дореволюционного прошлого, революционные символы и лозунги, а в центре всего помещающих фигуру самого Сталина. Бранденбергер использует понятие «полезного прошлого», указывая на утилитарность сталинской идеологии. Российский историк Александр Дубровский также подчеркивает прагматический характер обращения идеологов к исторической тематике. Андрей Юрганов писал о своеобразной метафизике сталинизма в культуре и общественных науках. Сутью этого явления стал механизм идеологического манипулирования и контроля, заключающийся в том, что только Сталин в конечном счете определял соответствие «истине».

Все сходятся в одном: историческая наука стала заложником идеологии и ее служанкой. Значит ли это, что историки и литераторы просто выполняли идеологический заказ? Ответ будет утвердительным, но требующим множества оговорок. Во-первых, идеология власти трансформировалась под давлением обстоятельств, что создавало довольно запутанную ситуацию, когда одни установки наслаивались на другие. Многие официальные положения противоречили друг другу, что позволяло использовать эти противоречия в исторических дискуссиях. Во-вторых, власть часто сама не имела четкого представления о требуемом конечном результате. Отсюда многочисленные более или менее открытые дискуссии, обсуждения вопросов, в том числе приглашения ученых и деятелей культуры в ЦК. Идеологи напоминали купцов на

ярмарке, которые ходили по рядам и выбирали из предлагаемых им товаров тот, который придется по душе. Разумеется, будучи единственными покупателями, они определяли то, какой вид товара им нужен, каковы параметры его качества и стилистика. Историки и деятели культуры оказывались пусть и в подчиненном положении, но обладали определенной свободой действия и творческого маневра. При этом могло случиться и так, что отвергнутый аппаратом ЦК товар приглянется самому Сталину. В-третьих, многими сферами науки идеология просто не интересовалась, они не считались актуальными.

В целом советская система подтвердила тот простой факт, что в условиях концентрации власти и ресурсов в руках государства, партии или конкретного человека говорить о плюрализме уже невозможно. В унифицированной системе ученые волей-неволей становятся слугами режима. Известный советский историк А. А. Зимин, лучшие годы которого пришлось на более спокойное и свободное послесталинское время, признавал:

Ученые нуждаются в... средствах познания (деньги, лаборатории, пресса и т. д.), которые делают их слугами государства, держащего в своих руках распределение материальных благ... писать работу, как правило, у них означает писать работу, чтоб она ими же была издана. В целом это так – жизнь есть жизнь. История – профессия, она кормит и поит. Но такой утилитарный подход имеет

серьезную опасность. Автор привыкает к требованиям издателя, начинает продавать не только рукопись, но и вдохновение. У него вырабатывается самоцензура, ослиная шкура, которая прирастает к его телу.

Когда мы говорим о производстве исторического знания (воспользуюсь этим не очень лирическим термином, хорошо отражающим индустриальный характер эпохи и ее идеалы), следует иметь в виду, что здесь выстроилась сложная властная пирамида. Во главе ее находился, разумеется, Сталин. Именно он обладал «абсолютным» знанием, определяя то, что является истиной или «фальсификацией истории». Именно высказывания вождя и его тексты оказывались теми кирпичами, на которых строилась историческая политика в СССР. Важно, что Сталин мог интерпретировать и тексты классиков марксизма. От его интерпретаций зависела актуализация тех или иных высказываний и их контекст. Объявив себя верным ленинцем, он никогда публично не оспаривал высказывания своего учителя, но вот Ф. Энгельсу повезло меньше, и его представления о России подвергались публичной критике. Сталин, с одной стороны, был догматичен, но, с другой, умел приспособлять революционные теории и наследие классиков марксизма к актуальным потребностям той системы власти, которую он во многом создал и олицетворял.

Особую роль в руководстве «историческим фронтом» играли «сталинские указания». На деле они часто звучали ту-

манно, но всегда были «исчерпывающими». Один из руководителей советской исторической науки Анна Панкратова писала: «Без знания этих указаний не может обойтись ни один историк, какой бы эпохой и какими бы конкретными вопросами он ни занимался». Имея мифические «исчерпывающие» указания, историки тем не менее совершали ошибки. Объяснялось это только тем, что они либо что-то не поняли, либо сознательно проигнорировали. Последнее уже квалифицировалось как саботаж и вредительство. «Сталинские указания» были сродни приказам гениального полководца, ведущего свои войска от победы к победе: «Сталинские указания, касавшиеся как общеметодологических проблем, так и отдельных конкретных вопросов истории, стали основой решительного перелома на фронте исторической науки».

Значительный интерес представляет и язык Сталина, воплощенный в том числе в главных для историков директивных текстах и выступлениях. В семиотике, науке о знаковых системах, принято выделять естественный и искусственный языки. Искусственный язык разрабатывается учеными специально для того, чтобы сформировать универсальные непротиворечивые термины, понятия и категории, исключаящие или минимизирующие двоякое толкование. Сталин всегда предпочитал естественный язык, подразумевающий различные интерпретации и восприятия. Он любил пошутить, съехидничать, но так, чтобы после этого объекту шутки стало не по себе. Этим частично можно объяснить и особую

любовь диктатора к истории, где терминология значительно проще и неопределеннее по сравнению даже с другими гуманитарными дисциплинами. Помимо того, что самого Сталина можно обвинить в недостаточной образованности (его образование не носило систематического характера, хотя он и занимался интенсивно самообразованием), популизме, эта любовь объясняется и тем, что в естественном языке проще подстраивать смыслы под собственный дискурс, трансформировать их, в нужный момент показывая, что имелось в виду совсем не то, что усвоили слушатели или читатели. Такая позиция позволяла играть роль единственного интерпретатора.

Сталинское вмешательство в производство исторического знания хоть и носило регулярный характер, все же было ситуативным. Некоторые указания противоречили друг другу, особенно если их сравнивать на длительном временном отрезке. А главное – Сталин не мог дать указания абсолютно по всем вопросам, поэтому представления о тотальном контроле над историей являются сильным преувеличением. Оставалось много концептуальных и фактографических «пустот», на которые не пал взор генерального секретаря. С одной стороны, это создавало ситуацию неопределенности для историков («Что писать?!»), но с другой – оставляло пространство для относительно самостоятельного исследования.

Однако не Сталиным единым определялось развитие ис-

торического знания. Самые влиятельные партийно-государственные деятели также могли вмешиваться в процесс. Более того, Сталин предпочитал, особенно в 1930-е годы, представлять свою позицию как коллективное решение партии.

В СССР середины XX века ведущие ученые воплощали компромисс между наукой и властью. Сформировалась система (правда, ее зачатки можно обнаружить еще в дореволюционное время), в которой в каждом направлении исследований существовал один лидер, «генерал от науки». В исторической науке было несколько центров притяжения: Б. Д. Греков, И. И. Минц, В. В. Струве, А. М. Панкратова и т. д. Фактически это являлось проекцией на науку однопартийной советской политической системы. Лидеры выполняли ряд важнейших функций. Во-первых, контролирующую, поскольку их задачей было следить за состоянием вверенного им участка «исторического фронта». Во-вторых, они оказывались связующим звеном между партийными органами и сообществом ученых.

Ниже находились рядовые историки, не обремененные административными должностями. Именно на долю этих «рядовых исторического фронта» выпадало решение основных задач. Среда советских историков 1920–1940-х годов была неоднородна. Одной ее частью были так называемые историки «старой школы», то есть ученые, окончившие еще дореволюционные университеты и сделавшие себе имя в науке еще до «эпохи исторического материализма». Их рассмат-

ривали как «старых специалистов» («спецов»), обладавших лоском европейской науки и культуры, необходимых большевикам на первых этапах становления нового общества, его науки и образования. Их оппонентами являлись так называемые историки-марксисты, то есть те, кто открыто манифестировал свою приверженность марксизму в его правильном, большевистском понимании (что бы это ни значило в каждый конкретный момент). Как правило, это были представители уже молодого поколения, члены партии, которые, согласно большевистской идеологии, должны были совмещать науку и практическую деятельность по реализации политики партии, причем в разных направлениях, вплоть до сельского хозяйства.

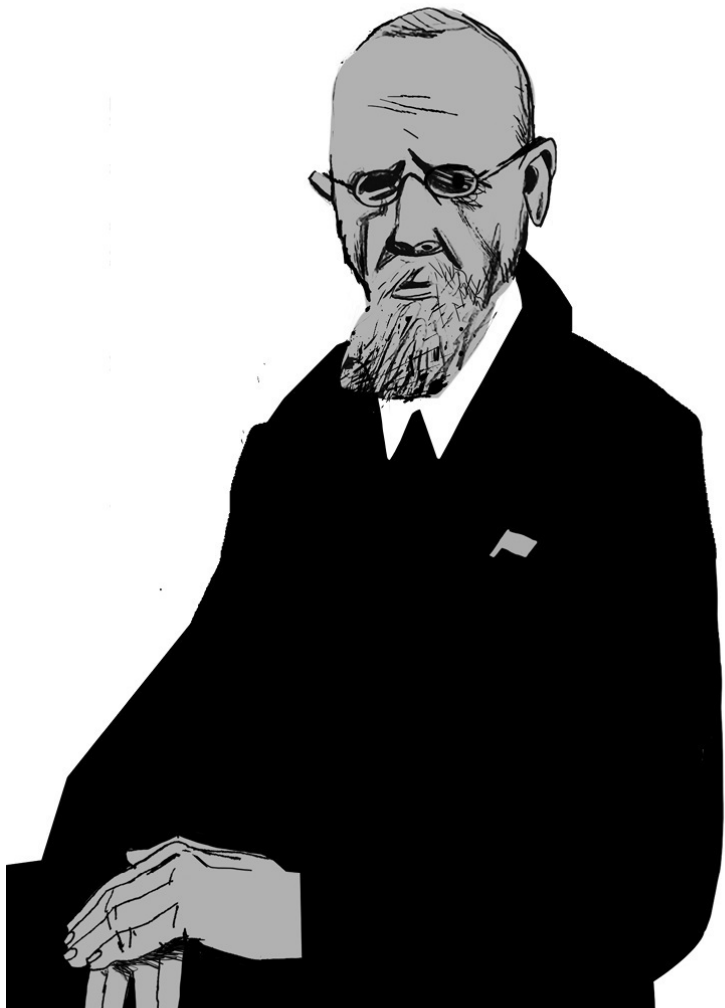
Властная пирамида не работала как часы. Сигналы, идущие сверху, из-за их неопределенности и отрывочности специфически преломлялись в нижних ярусах, порождая дискуссии об их содержании и области применения. Власти, что вообще было типично для той эпохи, предпочитали давать только общие указания, оставляя свободу решения многочисленных конкретных вопросов непосредственным исполнителям.

Едва ли не главным инструментом утверждения «правильного» взгляда на историю являлись идеологические кампании. Под этим понимается интенсивная серия мероприятий власти, нацеленных на утверждение нужных идеологических постулатов. На протяжении всех 1920-х – нача-

ла 1950-х годов масштабные идеологические кампании являлись частью обыденной жизни.

Предлагаемая книга не только об исторической идеологии сталинизма, но и о людях, которые ее творили или были вовлечены в этот процесс: о самом Сталине, его сподвижниках, писателях, кинорежиссерах и собственно историках.

Эту книгу я посвящаю своим дочкам – Марине и Алисе – с надеждой, что прошлое никогда не отнимет у них будущего.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В 1920–1940-Е ГОДЫ

Российская историческая наука второй половины XIX – начала XX века находилась в расцвете. Это был ее настоящий золотой век. Помимо значимых достижений в области изучения отечественной истории, российским историкам было что продемонстрировать своим европейским коллегам практически во всех областях: антиковедении, медиэвистике и новистике. Коньком русских считалась аграрная история, что неудивительно, учитывая особую злободневность крестьянского вопроса в Российской империи на протяжении всего XIX века. Перечислить всех выдающихся историков того времени не представляется возможным. Однако можно вспомнить Николая Кареева, чьи исследования аграрных проблем Великой французской революции особо отметил Карл Маркс; Павла Виноградова, специалиста по английской истории, который из-за конфликта с университетским руководством уехал в Великобританию, где возглавил кафедру в Оксфордском университете; Михаила Ростовцева, исследователя Античности, который из-за неприятия большевиков оказался в эмиграции в США и стал там председателем Американской ассоциации антиковедов. Динамич-

но развивались востоковедение и археология.

Вторая половина XIX – начало XX века – это время национальной идеи, при том, что почти все государства того времени были скорее многонациональными. Поэтому особую роль играли специалисты по российской истории. Во многом это было время ставших классиками еще при жизни профессоров Московского университета Сергея Михайловича Соловьева и Василия Осиповича Ключевского, оставивших после себя плеяду учеников. В Санкт-Петербурге к концу XIX века возшла звезда Сергея Федоровича Платонова, главного специалиста по истории Смутного времени.

У исторического знания того времени была одна важная черта: оно было окрашено в национально-государственные краски. Историки воспринимали прошлое через призму идеи нации-государства и его интересов. Этот национальный взгляд быстро перерастал в национализм и милитаризм, что наглядно продемонстрировала Первая мировая война.

Для Российской империи официальной версией истории оставалась династическая. Царствующий дом стремился продемонстрировать свою историческую легитимность, неразрывность династии Романовых и ее неразрывную связь с собственно историей страны. В начале XX века, в ситуации, когда стремительный прогресс все больше ставил под сомнение незыблемость старых, в том числе политических, устоев, империю буквально захлестнула волна юбилеев. Крупнейшими торжествами стали 100-летие войны

1812 года (1912) и 300-летие дома Романовых (1913). Чувствуя шаткость своего положения под напором демократизации и национализмов, царствующий дом стремился при помощи исторических образов повысить градус политической лояльности своих подданных.

Взаимодействие между действующей властью и учеными было неоднозначным. С одной стороны, бюрократы постоянно нарушали главную ценность университетской среды – ее автономию. Преподаватели высшей школы и члены Императорской академии наук, по сути, рассматривались ими как государственные служащие. Борьба за гарантии автономии от власти – важнейшая черта истории российских университетов. С другой – финансирование университетов и научных проектов во многом зависело от политической лояльности.

Важной альтернативой национальным историографиям становился марксизм, предлагавший изучение развития общества как процесса классовой борьбы и смены социально-экономических формаций. Молодое поколение историков в значительной степени было готово к восприятию марксистской методологии. Поэтому методологические перемены в исторической науке 1920-х годов стали не столь болезненными, как это может казаться. Правда, что тоже важно, восприятие марксизма дореволюционным поколением существенно отличалось от того, что будет насаждаться в советское время. Не стоит забывать и о том, что многие черты российского позитивизма, например внимание к социаль-

но-экономической стороне исторического процесса, позволяли историкам «старой школы» находить точки соприкосновения с марксизмом.

Февральская революция стала неожиданностью, а Октябрьская – шоком. В своем знаменитом дневнике времен революции и Гражданской войны ученик В. О. Ключевского Юрий Владимирович Готье сыпал проклятиями в адрес большевиков-«горилл» и обвинял во всех бедах евреев (которых среди революционеров действительно было немало). Многие историки того времени, как и общество в целом, были заражены бациллами антисемитизма. Будучи плотью и кровью национально-государственной идеи, они восхищались великодержавием России (конечно, при критическом осмыслении ее состояния), и им тяжело было видеть крах империи и торжество «плебса». Даже демократически настроенные ученые, которых также было предостаточно, совсем иначе представляли себе будущее после свержения царизма. Вместо демократической державы-империи они увидели пролетарскую диктатуру, а скорее – просто анархию. Русским историкам больно было смотреть, как Гражданская война терзает их Родину.

Большевики, придя к власти, быстро занялись проблемами науки и образования. В этом они видели не столько гуманитарную функцию, сколько важный инструмент утверждения новой власти и построения нового, социалистического, общества. Согласно марксистским представлениям,

знание всегда имеет классовый оттенок, а господствующие классы, обладая властью, способны навязывать свою идеологию угнетенным массам. Чем и занималась, по мнению большевиков, старая историческая наука, которую они рассматривали как форму пропаганды царизма, империализма и буржуазии. Новому, пролетарскому, обществу нужна была новая историческая наука.

Профессиональным историком в рядах РСДРП(б) (вступил в партию в 1905 году, но часто примыкал к различным фракциям) считался Михаил Николаевич Покровский. Будучи учеником В. О. Ключевского и П. Г. Виноградова, еще до революции он имел публикации, в том числе являлся автором или соавтором многотомных «Очерков русской истории с древнейших времен» (1910–1912) и «Очерков истории русской культуры» (1915–1918). До Октябрьской революции он уже обладал известностью в научных кругах. Причем если российские университетские и академические небожители, стоявшие на консервативных или либерально-консервативных позициях, отрицательно и свысока относились к его штудиям, то более либеральная и левацки настроенная часть историков, занимавшая должности приват-доцентов (то есть внештатных сотрудников), воспринимала их с интересом. Одновременно М. Н. Покровский много публиковался в популярных журналах и энциклопедиях. В годы Первой мировой войны он солидаризировался с позицией В. И. Ленина о необходимости перерастания войны империалистической в

войну против правительств воюющих стран, что обеспечило ему прочное место в большевистской партии.

После Октябрьской революции его карьера резко пошла вверх. Он стал важным руководителем науки и образования в Советской России: заместителем наркома просвещения РСФСР (1918–1932), председателем президиума Социалистической (Коммунистической) академии, ректором Института красной профессуры, председателем Общества историков-марксистов, заведующим Центрархивом РСФСР и СССР. Разумеется, именно ему было уготовано место главного историка страны. Стержнем его исторической концепции стала теория торгового капитализма, которому противостоял промышленный (производительный) капитал. Согласно его теории, многое в русской истории с древнейших времен объяснялось интересами торгового капитализма. С точки зрения Покровского, на протяжении большей части русской истории государство обслуживало интересы торгового капитализма: «В мономаховой шапке ходил по русской земле именно торговый капитал, для которого помещики и дворянство были только агентами, были его аппаратом». В качестве популярного пособия по истории он опубликовал «Русскую историю в самом сжатом очерке» (1920–1923), одобренную самим В. И. Лениным.

Пожалуй, главной задачей исторических трудов М. Н. Покровского стало разоблачение монархической и буржуазной историографии. Русских монархов он рисовал людьми неда-

лекими и полностью лишенными исторической субъектностью. Так, о Петре I, одном из ключевых героев-символов дома Романовых, он беспардонно писал:

Царь умер от последствий сифилиса, полученного в Голландии и плохо вылеченного тогдашними медиками. При гомерическом пьянстве петровского двора и лучшие врачи, впрочем, едва ли сумели бы помочь.

С нескрываемым удовольствием разрушал он и миф об особой, цивилизующей роли Российской империи на национальных окраинах, подчеркивая колониальный характер территориальных захватов на Кавказе, в Сибири и Средней Азии. Согласно Покровскому, русская буржуазия и помещики пытались решить свои экономические проблемы через эксплуатацию этих территорий. Великодержавие империи также ставилось им под сомнение. Оценивая общий итог экономического развития России, историк приходил к выводу, что, несмотря на отдельные достижения, русская экономика носила «полуколониальный» характер, служа поставщиком сырья и рынком сбыта для ведущих западных держав.

Старая академическая элита оценивала нового классика крайне негативно. С. Ф. Платонов за глаза называл его «гносом», а однокашники по Московскому университету говорили о нем как о «позоре московской исторической школы», но вынуждены были сотрудничать со всемогущим «комиссаром образования и науки».

Революция и Гражданская война тяжело сказались на ака-

демическом корпусе: профессура резко обеднела, несколько известных ученых, в том числе историков, скончались от голода и болезней. Немало ученых эмигрировало. Большевики смотрели на старую профессуру как на своих потенциальных противников. Та, в свою очередь, не была склонна принимать новую власть, которую винила ни много ни мало в конце российской науки и культуры. Новая власть тоже не собиралась мириться со своими антагонистами, о чем свидетельствуют знаменитые «философские пароходы» 1922 года. Сильным ударом по научно-исторической среде дореволюционной России стало закрытие историко-филологических факультетов.

Однако немало было и точек соприкосновения. Ученые продолжали следовать этосу служения государству, обществу и культуре, то есть видели себя в качестве хранителей знания в условиях апокалипсиса. Многие думали, что большевики долго не продержатся. В свою очередь, новые власти не могли сразу отказаться от «старых спецов» и готовы были работать со всеми, кто проявит хотя бы видимую лояльность, которая, в свою очередь, покупалась просто: в условиях разрухи новая власть становилась единственным источником дохода и пропитания.

Большевики смотрели на науку в том числе и как на витрину нового строя. Так, они использовали 200-летний юбилей Академии наук в 1925 году для того, чтобы продемонстрировать всему миру, что наука в СССР не разрушена и

даже процветает, более того – молодое Советское государство стремится строить новое общество на научных основах. На юбилей были приглашены иностранные гости, а мероприятия широко освещались в прессе. В июле 1928 года в Берлине была проведена неделя советских историков и выставка «Историческая наука в Советской России 1917–1927 гг.». На ней советская власть стремилась показать терпимость к инакомыслию и, в частности, к «историкам старой школы».

Эпоху нэпа можно рассматривать как время относительной свободы. В научной среде, пусть с напряжением, сосуществовали историки «старой школы» и «историки-марксисты». В ситуации, когда исторические факультеты оказались закрыты, историки «старой школы» нашли себе место в Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) и Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), где наравне с историками-марксистами вели научные исследования и воспитывали молодежь. Кстати, именно тогда возник своеобразный феномен, когда молодые историки, в духе эпохи считавшие себя марксистами или внимательно изучавшие марксизм, учились технике научного анализа у представителей дореволюционной академической традиции. Начинающие историки старались совмещать марксистскую парадигму и тщательность анализа источников.

Несмотря на неприятие новых властей большинством историков «старой школы» и, в свою очередь, настороженное

отношение к ним со стороны советской элиты, сотрудничество с властями шло довольно активно. Здесь представляется необходимым сделать некоторое отступление для лучшего понимания феномена этого сотрудничества. Дело в том, что еще в дореволюционную эпоху сложились своеобразные механизмы взаимоотношений историков и царской власти. С одной стороны, либеральные убеждения большинства профессуры не позволяли ей превратиться в простых чиновников на службе государства, но с другой – материальная зависимость от властей приучала к умеренному конформизму. Консервативно настроенная часть историков (например, М. К. Любавский, М. М. Богословский, С. Ф. Платонов и др.) благодаря своей лояльности царскому режиму занимала до революции высшие административные посты, проходя таким образом бюрократичную школу компромиссов. Такая привычка приспособливаться сыграла свою роль и после краха империи.

Еще одним направлением, в котором сотрудничество власти и профессиональных историков оказалось весьма продуктивным, стало краеведческое движение. В 1920-е годы краеведческие исследования приобрели небывалый размах, эти годы стали «золотым десятилетием» данного направления научного и общественного движения. Причин тому было немало: демократизация социальной структуры, осознание массами в ходе революций и Гражданской войны своей исторической роли, рост массового образования и т. д. Лом-

ка дореволюционной академической системы заставила профессиональных историков искать реализации своих научных интересов в рамках локальных исследований. В 1920-е годы краеведов активно поддерживали большевики. В следующем десятилетии, взяв курс на централизацию социально-политической и интеллектуальной жизни, власти свернут широко раскинувшуюся сеть краеведческих организаций и кружков, поскольку увидят в этом движении признаки сепаратизма.

Зримым достижением первого десятилетия советской науки стала институциональная перестройка. Дореволюционная наука в основном была сосредоточена в университетах, что имело определенные плюсы: казалось, что это обеспечивает симбиоз науки и преподавания. Но были также и очевидные минусы. Зачастую научно-исследовательская деятельность оказывалась на периферии из-за высоких преподавательских нагрузок. Еще в начале XX века в России постепенно формируются исследовательские институты, в которых научные изыскания представляли собой центральный вид деятельности, а сотрудники освобождались от педагогической нагрузки. После Октябрьской революции именно на такую форму и была сделана ставка. Это позволило успешнее реализовывать именно научные задачи, превратив исследовательские институты в центральное звено производства научного знания в СССР.

Но революционная эпоха и новые социально-политические реалии негативно сказались на целом ряде направле-

ний научно-исторических исследований. Новой власти, по крайней мере на первых порах, оказались ненужными антиковедение, славяноведение и византиноведение. Антиковедение потеряло свою социальную (образованные городские слои) и институциональную (кафедры классической древности и филологии) базу, что быстро привело к упадку этого активно развивавшегося прежде направления. Не меньший удар был нанесен по византиноведению: помимо кадровых потерь, прекратили свое существование всемирно известные центры византиноведческих исследований, существовавшие к тому времени во многих крупных университетах и Императорской академии наук. Специальная подготовка студентов фактически прекратилась. Еще одной областью, оказавшейся за бортом, стало славяноведение, по признанию специалистов, влачившее в 1920–1930-е годы жалкое существование.

Конечно, кризис целого ряда научных направлений, находившихся на мировом уровне или выше, – явление безотрадное и пагубное для науки. Но здесь, мне кажется, необходимо задаться вопросом о его причинах. Приходится признать, что в значительной мере он был связан с падением самодержавия и его социально-политическими последствиями. Легко заметить, что расцвет указанных дисциплин в дореволюционной России во многом был связан с государственным заказом, шедшим от императорской власти. Так, антиковедение целенаправленно внедрялось в гимназии и универси-

теты для вытравливания из них революционного духа. На византиноведческие штудии выделялись немалые средства: во-первых, из-за стремления культивировать доктрину «византинизма», во-вторых – из внешнеполитических претензий Российской империи на Константинополь и черноморские проливы. Наконец, славяноведение питалось панславистскими идеями и щедро финансировалось императорской казной именно как научное обоснование панславизма. Неудивительно, что советская власть, сменившая идеологические ориентиры, не проявила к этим, с ее точки зрения, реликтам самодержавной идеологии никакого интереса. Нечто подобное произошло и после развала Советского Союза, когда доминировавшие ранее темы (освободительное движение, история пролетариата, история партии и многие другие) без социально-политической и финансовой поддержки быстро оказались на периферии исследовательского интереса.

Взамен перечисленных в центре внимания властей оказался ряд новых направлений, перспективных с точки зрения советской идеологии и политики. Концепция мировой революции и борьбы с колониализмом заставила советских лидеров обратить свои взоры на «спящие» тогда Азию и Африку, в их понимании – потенциальный фронт мировой революции. Создание соответствующих отделов в Коминтерне потребовало квалифицированных аналитиков, знающих культуру, историю и современное положение азиатских и африканских стран. К концу 1920-х годов в СССР возникли

центры и постепенно появились специалисты по африканистике и востоковедению. Если в императорской России интерес к странам Востока имел ярко выраженный «филологический» характер, то в центре внимания советских историков оказались социально-экономические процессы и освободительное движение.

Теперь обратимся к такой специфической области исторической науки, как археология. Отношение новой власти к археологии было самым благоприятным. В ней виделось воплощение материалистического подхода к изучению прошлого, а молодые археологи ринулись активно изучать марксизм как теорию, открывающую новые возможности для интерпретации истории материальной культуры. Революция, окончательно отделившая науку от религии, благотворно сказалась на изучении древнейших периодов истории человечества, поскольку теперь не нужно было опасаться давления со стороны церкви, защищавшей библейскую версию истории человечества.

Еще важнее оказались трансформации институциональные. Радикальная ломка существовавшей социальной и, как следствие, научно-организационной структуры привела к тому, что были устранены многие препоны. Например, сложившаяся в дореволюционной России система степеней и званий не позволяла такому выдающемуся археологу, как В. А. Городцов, не окончившему университет, полноценно заниматься исследованиями и работать в высшей школе.

Именно революция, а также последовавшие реорганизация высшего образования и отмена степеней дали уже немалодому специалисту возможность внедрить свои идеи в академическую среду, создать собственную научную школу. Его типологический метод, активно используемый и поныне, получил самое широкое распространение как раз в 1920-е годы.

Перечисленные выше явления и тенденции заметно повлияли на среду профессиональных историков, обеспечив сосуществование двух профессиональных субкультур и стилей жизни. В последнее время штампом стало указание на сложность такого сосуществования. Многие подчеркивают, что два поколения жили как бы в параллельных мирах, не соприкасаясь друг с другом. Это не так. Своеобразное сотрудничество, где грань между собственно сотрудничеством и борьбой не всегда была отчетливой, продолжалось на протяжении всех 1920-х годов. Причем коллеги-соперники кое-чему учились друг у друга.

Но революция привела не только к существованию двух научных субкультур. В нормальных условиях научное сообщество представляет собой довольно жесткую иерархическую структуру. На вершине ее находятся мэтры, которые имеют множество учеников и пользуются непререкаемым авторитетом. Поскольку воспроизводство кадров происходило через университеты, авторитетный историк мог наблюдать, как начинающие проходили путь от студента до доктора. С одной стороны, это абсолютно нормальное положение

дел. Мы знаем многочисленные примеры того, как старшие авторитетные ученые становились проводниками и покровителями делающих первые шаги в науке. Но существует и другая сторона медали. Иерархичность и субординация мешали (или, во всяком случае, не способствовали) продвижению идей, не вписывающихся в существующую научную традицию и канон. Система присвоения научных степеней, без которых невозможно было преподавать в университете, создавала действенный фильтр для чужеродных элементов. Можно вспомнить того же Покровского, не пожелавшего следовать ритуалам поведения и концептуальным рамкам и оказавшегося в маргинальном положении. Отнюдь не случайно именно он стал едва ли не самым горячим сторонником отмены научных степеней после революции. Проведенные после Октябрьской революции реформы позволили сломать существовавшую доселе иерархичность в исторической науке. Впрочем, такой демократизм долго не продержался. К научным степеням как обязательному элементу подтверждения научной квалификации в СССР вернулись в 1934 году.

Сложившаяся система просуществовала до Великого перелома, то есть форсированного перехода к индустриализации, коллективизации и культурной революции. Одной из кампаний того времени стала борьба со «старыми специалистами», которых подозревали в политической и социальной нелояльности и на счет которых списывали провалы в реализации грандиозных планов.

В исторической науке это выразилось в знаменитом «академическом деле». С его помощью советская власть и «красные профессора» пытались покончить с господством в Академии «ученых-немарксистов». Поводом для него послужило обнаружение ряда политически значимых документов (среди них – оригинал отречения Николая II) в Библиотеке Академии наук. ОГПУ сфабриковало дело тайной «монархической организации» «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». В Москве и Ленинграде прошли аресты историков. Среди арестованных оказались крупнейшие историки страны: С. Ф. Платонов, М. М. Богословский, Е. В. Тарле, М. К. Любавский, А. И. Андреев, С. В. Бахрушин, А. И. Яковлев, Б. А. Романов – в общей сложности 85 человек. Всех их отправили в ссылку по различным городам и регионам страны. Ряд историков, среди которых были ученые первой величины – Б. Д. Греков, С. Б. Веселовский, – по делу проходили, но в итоге были отпущены и избежали ссылки. Почему это произошло – до сих пор загадка, требующая исследования.

Казалось бы, историки-марксисты могли торжествовать. Но ситуация стремительно менялась. Приход к власти Сталина постепенно привел к трансформации идеологии. Если 1920-е годы прошли под лозунгами революционного обновления, то следующее десятилетие стало эпохой сталинского великодержавия. К концу 1920-х годов Сталин устранил своих оппонентов по партии и начал выстраивать полити-

ческую систему, центральной фигурой которой выступал он сам. Как следствие, его идеи и мнения становились истиной в последней инстанции. С одной стороны, в базовых вопросах вождь был человеком с догматическим стилем мышления, но с другой – умел приспособлять теорию под практические нужды и менять свою позицию довольно радикально.

Серьезные изменения происходили и в мире, что потребовало смены внешнеполитической доктрины: вместо лозунга мировой революции советское руководство выдвинуло идею «построения социализма в отдельно взятой стране», а логическим следствием растущей внешней угрозы стала кампания патриотической мобилизации населения. В массы начинает внедряться «советский патриотизм». По мысли идеологов, «советский патриотизм» являлся высшей стадией патриотизма, поскольку теперь речь шла о любви к советской родине, в которой отсутствует классовое угнетение.

Указанные выше процессы требовали возврата к традиционным культурным и историческим ценностям. Русский народ как самый многочисленный, культурно развитый и пролетаризированный рассматривался в качестве этнического фундамента Советского Союза. За непонимание новых требований многие поплатились. Например, поэт Демьян Бедный опубликовал в 1936 году поэму «Богатыри», в которой высмеивал персонажей русского богатырского эпоса, изображая их глупыми и ленивыми. Положительными персонажами выставлялись разбойники, представленные как рево-

люционный элемент. Еще недавно это было в порядке вещей, но времена поменялись. По произведению поставили пьесу, вызвавшую возмущение Молотова. На поэму обрушились с критикой: «Фашистская литература говорит, что в России нет народности, не имелось и государственности. В связи с такой трактовкой вся концепция Демьяна Бедного имеет политически вредное направление». Карикатуры на дореволюционное прошлое теперь объявлялись предосудительными.

Д. Бранденбергер трактует такой идеологический переход как поворот к «национал-большевизму», предполагавшему «молчаливое признание превосходства популистских и даже националистических идей над пропагандой, построенной вокруг принципов утопического идеализма». Внедрение этой идеологии происходило постепенно. Окончательно этот курс оформился к 1937 году.

1930-е годы ознаменовались сменой лидеров в исторической науке. В 1932 году умер пользовавшийся непререкаемым авторитетом в среде историков-марксистов 1920-х годов М. Н. Покровский. Его смерть оказалась очень кстати. Теории кумира прошлых лет совершенно не вписывались в новые идеологические тенденции. Но смерть М. Н. Покровского не привела к появлению нового лидера из среды самих профессиональных историков. Пустующую нишу главного специалиста по истории занял сам Сталин, что органично вписывалось в процесс формирования культа его личности. Особую роль в этом сыграло его открытое письмо «О

некоторых вопросах истории большевизма» в журнал «Пролетарская революция», ознаменовавшее прекращение дискуссий по истории большевистской партии. В связи с этим современный исследователь М. В. Зеленев отметил:

...1930-е годы характеризуются созданием новых форм идеологического воздействия – прямым обращением Сталина к историкам и в редакции журналов в виде писем...

Необходимо отметить, что Сталину был присущ своеобразный (пусть и потребительский) культ историзма. Исторический подход являлся для него ключевым в решении важнейших вопросов теории и практики. Историк Н. Л. Рубинштейн не без патетики, но совершенно справедливо подметил, что у Сталина «историзм становится основным элементом теории марксизма, основным методом марксистской теории».

Роль Сталина как главного историка и живого классика марксизма-ленинизма, имеющего право критически относиться к отдельным высказываниям в сочинениях уже умерших и канонизированных классиков марксизма, подтвердилась его работой «О статье Энгельса „Внешняя политика русского царизма“». В ней было подвергнуто критике высказывание Энгельса о России как «жандарме Европы». Подчеркивая тот факт, что внешняя политика русского царизма мало отличалась от политики других великих держав, а где-то даже была гораздо честнее и прогрессивнее, Сталин тем

самым частично ее реабилитировал, снимая клеймо ее абсолютной реакционности. Статья была опубликована только в 1941 году, но ходила в многочисленных копиях и была широко известна в партийных кругах.

Синхронно с идеологическим перевооружением проходили и институциональные изменения. На базе Института Ленина и Института К. Маркса и Ф. Энгельса был создан единый Институт Маркса – Энгельса – Ленина (ИМЭЛ), целью которого было изучение и издание наследия классиков марксизма-ленинизма. Новое направление внутренней политики потребовало вернуть историческое образование в вузы. Еще в 1931 году были созданы Московский институт философии, литературы, истории (МИФЛИ), а в Ленинграде – ЛИФЛИ. В том же году открылся Историко-архивный институт, входивший в систему НКВД и предназначенный для подготовки специалистов архивного дела. В 1934 году были воссозданы исторические факультеты в МГУ и ЛГУ, исторические факультеты появились во многих педагогических вузах. В 1938 году была открыта специализированная Государственная публичная историческая библиотека (ГПИБ). Происходят изменения и в структуре академических институтов. В 1936 году открывается Институт истории АН СССР, первым директором которого стал историк Французской революции Н. М. Лукин. Новая организационная структура обладала важнейшей контролирующей функцией: за собранными в одном месте историками было проще следить.

Появление новых учреждений спровоцировало кадровый голод, остро недоставало специалистов. Для заполнения вакансий активно привлекались историки «старой школы». Многие из них были возвращены из ссылок и лагерей. Так, в Москву и Ленинград вернулись Е. В. Тарле, С. В. Бахрушин, А. И. Андреев, Б. А. Романов, А. И. Яковлев, Ю. В. Готье и др. Пережитые лишения, страх за жизнь, с одной стороны, и неожиданно полученные блага и высокое положение в советском обществе, с другой, сделали их вполне лояльными к советской власти. Многие старались усвоить новые методологические, концептуальные и идеологические стандарты исторического исследования. В то же время ученые, прошедшие дореволюционную школу источниковедческого и исследовательского мастерства, внесли в советскую науку так недостававшие ей основательность и профессиональность в изучении фактов, их научной обработки и построении на их основе теоретических конструкций. Быстро стало очевидным, что перестроившиеся историки «старой школы» гораздо лучше подходили для новых задач советской исторической политики, чем поколение историков-марксистов 1920-х годов.

Большой террор вихрем пронесся по «красным профессорам», поскольку те были в той или иной мере близки ко многим «лидерам» различных оппозиций и уклонов в партии. Чистки непосредственно коснулись и нового центра исторической науки – Института истории. Сначала шли аре-

сты рядовых сотрудников. Так, в одном Ленинградском отделении из 20 сотрудников арестовали 14, затем добрались и до руководства. Сначала отстранили, а затем арестовали первого директора – Н. М. Лукина (впоследствии расстрелян). Ему на смену был назначен историк «старой школы» Б. Д. Греков, специалист по русскому феодализму с сомнительной для новой власти биографией. Дело в том, что в годы Гражданской войны он работал в университете в Крыму, находившемся под властью белых. Грекова арестовывали и по «академическому делу», но по неизвестным причинам не репрессировали.

Если верить воспоминаниям его ученика Г. А. Абрамовича, Б. Д. Греков глубоко переживал аресты своих сотрудников, порой не вполне понимая логику происходящего:

Абрамович... неоднократно вспоминал, как он пришел страшным утром конца марта – начала апреля 1937 г. в кабинет директора ЛОИИ Б. Д. Грекова: накануне ночью были арестованы несколько сотрудников Института... Потрясенный событиями Греков, сидевший на своем рабочем месте, обхватив голову руками, обратившись к Абрамовичу и указывая на портрет Сталина, традиционно украшавший стены кабинета, воскликнул: «Вы же партийный человек, объясните мне, что ему надо!»

Знамением времени стало переиздание сочинений классиков дореволюционной исторической науки. Вышли в свет

курсы лекций В. О. Ключевского, А. Е. Преснякова и С. Ф. Платонова. Вновь была опубликована монография С. Ф. Платонова «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.». Публикации сопровождались введениями, где с марксистских позиций разъяснялись основные методологические «ошибки» авторов.

Переходу к новой концепции отечественной истории мешало наследие М. Н. Покровского. Для его дискредитации официально было объявлено, что характерной чертой «школы М. Н. Покровского» был «вульгаризаторский» взгляд на историю, а из-за многочисленных методологических, фактических и политических ошибок самого историка и его учеников их труды не могут считаться марксистскими. В учебных и научно-исследовательских заведениях началась активная борьба с «представителями» «школы М. Н. Покровского», многие из которых, как это ранее случилось с историками «старой школы», были репрессированы. Ведущие специалисты, в том числе бывшие ученики М. Н. Покровского по Институту красной профессуры, подготовили два сборника с говорящими названиями: «Против исторической концепции М. Н. Покровского» (1939) и «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского» (1940).

Целью сборников являлась «зачистка» концептуально-го наследия свергнутого кумира. Теперь его интерпретация отечественной истории считалась чрезмерно нигилистической. В изданиях принимали участие как «историки старой

школы», так и непосредственно ученики самого М. Н. Покровского. Авторы подчеркивали прогрессивную роль централизованного государства (С. В. Бахрушин), а Иван Грозный представал завершителем дела централизации (К. В. Базилевич). Патриотической реинтерпретации подверглась и история Смуты. Если ранее Минин и Пожарский считались контрреволюционерами, то теперь подчеркивалась связь Лжедмитрия с Польшей, а ополчение рассматривалось как проявление национального патриотизма (А. А. Савич). Культ сильного государства и государственного лидера утверждался в статье о Петре I (Б. Б. Кафенгауз). В. И. Пичета писал о народной войне, победившей Наполеона в 1812 году.

В 1935 году была запущена кампания «дружбы народов», нацеленная на сплочение этносов, населяющих Советский Союз. Постепенно в ходе ее реализации отчетливо обозначилось выпячивание роли русского народа, особенно пролетариата. Это еще отчетливее обозначило новый идеологический вектор.

Немалое влияние на трансформацию официальной исторической политики оказали репрессии. Накануне 1937 года официальная пропаганда пыталась сформировать пантеон значимых исторических личностей советской страны. Помимо уже умерших большевиков, сюда вошли, в частности, М. Н. Тухачевский и Н. И. Ежов. Но последовавшие в годы Большого террора аресты показали, что строить герои-

ческую пропаганду на фигурах современников крайне сложно, поскольку нередко вчерашние герои попадали в маховик репрессий и становились «врагами народа». Советское руководство вынуждено было обратиться к прошлому, найдя героев именно там. Система, которую ряд исследователей определяет как «национал-большевизм», сложилась именно к 1937 году.

Важным триггером являлась международная обстановка. Внешний мир воспринимался двояко: как объект экспорта мировой революции и одновременно как угроза самой Стране Советов. Руководство боялось реальных и мнимых актов агрессии со стороны недружественных стран (к таким относились почти все), особенно нарастал страх перед мифической внутренней пятой колонной, способной ударить в спину во время решающей битвы. Если в 1920-е и начале 1930-х годов активной критике подвергалась колониальная политика царизма и критиковался великорусский шовинизм, то со второй половины 1930-х все чаще высказывались опасения, что этим воспользуются немецкие, японские и даже финские враги. Теперь необходимо было подчеркивать то, что исторически связывает русский и другие народы СССР. Перед лицом угрозы ставка делалась на идеологическую консолидацию.

Произошла своеобразная реабилитация многих исторических событий. Так, стал активно изучаться опыт Первой мировой войны. Гораздо интенсивнее шло формирова-

ние нового, позитивного образа войны 1812 года и ее героев. Определенной реабилитации подверглось даже христианство: теперь его принятие считалось прогрессивным шагом по отношению к язычеству. Примеры можно множить. Ясно одно: уже тогда советское общество идеологически готовилось к мировой войне, и в этой подготовке история играла одну из ключевых ролей.

Во многом это было реакцией на идеологический вызов германского нацизма. В Третьем рейхе история имела структурообразующее значение. Исторические образы являлись фундаментом довольно иррациональной идеологии. Как следствие, внешнеполитическая доктрина нацизма делала особый акцент на мифологизированном прошлом. Советская сторона должна была дать адекватный ответ, в том числе исторический. Отсюда сборник статей «Против фашистской фальсификации истории» (1939). Впрочем, после заключения советско-германского пакта о ненападении антигерманская историческая пропаганда была сведена на нет.

Ключевым событием в идеологической жизни страны стала публикация нового курса истории ВКП(б). Осенью 1938 года в газете «Правда» начала выходить «История ВКП(б). Краткий курс», вскоре появившаяся отдельным изданием и затем многократно переиздававшаяся многомиллионными тиражами.

На фоне идеологической и методологической перестройки советской исторической науки прошел ряд ключевых дис-

куссий по узловым историческим проблемам. Центральное место среди них занял спор о характере социально-экономического строя Киевской Руси. В ходе дискуссии выработывались критерии классового подхода, ставился вопрос о взаимоотношениях базиса и надстройки, обсуждались проблемы становления и развития формаций применительно к русской истории. В 1933 году Б. Д. Греков в ГАИМК представил доклад «Рабство и феодализм в Киевской Руси», в котором отстаивал положение, согласно которому славяне, подобно германцам, перешли к феодализму, минуя рабовладельческую стадию. Тогда это утверждение вызвало активную полемику, в ходе которой выделились две основные группы: сторонники грековской схемы ранней феодализации древнерусского общества и поборники обязательного рабовладельческого этапа в отечественной истории (П. П. Смирнов, И. И. Смирнов и др.). Второй этап дискуссии прошел в 1939–1940 годах и был связан с выступлениями А. В. Шестакова и Б. И. Сыромятникова, ратовавших за признание рабовладельческим социально-экономического строя Киевской Руси.

В дискуссии была и идеологическая подоплека. Дело в том, что синхронизация исторического развития России и Западной Европы рассматривалась как научное обоснование неизбежности социалистических революций в Европе. Отталкиваясь от постулата об универсальности формационной теории, советские лидеры рассматривали победу большевизма в Советском Союзе как первую ласточку в чере-

де глобального формационного обновления при переходе от капитализма к социализму. Наконец, играли важную роль и сугубо патриотические соображения. Построение социализма «в отдельно взятой стране» требовало культивирования идеи о том, что русская история развивалась в одном русле с общеевропейской. Поэтому мнение о том, что в Древней Руси господствовало рабовладение, в то время как на Западе установился классический феодализм, могло расцениваться как утверждение об отсталости Руси. В то же время сторонники трактовки социально-экономического строя Древней Руси как рабовладельческого стремились представить себя борцами за сохранение чистоты марксистско-ленинского учения и доказать, что формационная теория является универсальной и никакие отклонения от этой исторической схемы невозможны. Концепция Б. Д. Грекова победила – просто потому, что лучше соответствовала духу времени.

Другой сотрудник ГАИМК, В. В. Струве, сформулировал теорию рабовладельческого характера обществ Древнего мира: государств Месопотамии, Египта и др. Принято было говорить и о рабовладельческом характере Античности.

На протяжении всего десятилетия накануне Великой Отечественной войны шла трансформация исторической политики сталинского режима. Она становилась все более популистской и интегрирующей различные идеологические компоненты. Д. Бранденбергер писал:

Отмежевываясь от строгого использования идеалистических и утопических лозунгов, Сталин и его соратники постепенно перекроили себя под государственников и начали выборочно реабилитировать известные личности и общепризнанные символы из русского национального прошлого. Ранние марксистские лозунги были интегрированы в реконцептуализированную историю СССР, делавшую значительный акцент на русских аспектах советского прошлого. В то же самое время главный нарратив был упрощен и популяризирован, чтобы максимально увеличить его привлекательность даже для самых малообразованных граждан СССР.

Война на короткое время заставила оставить противоречия в среде историков. Перестройка на «военные рельсы» исторической науки наглядно демонстрирует деятельность Института истории АН СССР. В качестве приоритетных были намечены две задачи: концентрация усилий на разгроме врага и воспитание советского патриотизма. Исследования велись в следующих направлениях:

- 1. Проблемы, связанные с разоблачением фашизма.*
- 2. Проблемы, посвященные героическому прошлому нашей страны.*
- 3. Проблемы, посвященные истории русской культуры.*
- 4. Проблемы, посвященные истории славянских стран.*
- 5. Проблемы, связанные с разъяснением роли антигитлеровской коалиции и отдельных ее участников как наших союзников и друзей*

по осуществлению исторической задачи разгрома гитлеровской Германии.

Естественный рост патриотических настроений в годы войны стал питательной почвой для все более решительного поворота исторической науки в сторону патриотизма и своеобразного национал-большевизма. 31 марта 1944 года в Управлении агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) прошло совещание, посвященное положению на идеологическом фронте. Несмотря на высокую интенсивность идеологической работы, было признано, что сделано недостаточно. Начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров обозначил организационные планы на будущее. В частности, он предлагал организовать Академию общественных наук для подготовки кадров. В этот же день Александров отправил письмо на имя начальника Главного политического управления РККА А. С. Щербакова с подробными предложениями по улучшению пропагандистской работы. Заметное место в нем уделялось вопросам исторической науки и преподаванию истории в вузах. Признавалось, что преподаватели недостаточно освещают студентам героическое прошлое Родины. Среди некоторых преподавателей «появилась в последнее время тенденция поменьше говорить о классовой борьбе в истории СССР и рассматривать деятельность всех царей, как деятельность прогрессивную». Некоторые из них, утверждалось в письме, увлеклись буржуазной историографией и игнорируют марксистскую.

Несмотря на это, в военное время произошло относительное ослабление идеологического давления на историческую науку в том смысле, что быстрое изменение идеологии еще накануне войны, поворот к традиционным ценностям, который тем не менее не отменял коммунистической риторики, привели к некоторой идеологической неопределенности. Многие историки по-своему трактовали сложившуюся ситуацию. Например, Е. В. Тарле прочел лекцию, в которой утверждал, что нельзя рассматривать завоевания Российской империи с негативной точки зрения, поскольку именно большая территория, приобретенная в ходе экспансии, теперь позволяет успешно воевать Советскому государству. В принципе, историк в значительной мере развивал мысли Сталина, высказанные им в статье, критиковавшей позицию Ф. Энгельса. Но его лекция вызвала протест А. М. Панкратовой, которая усмотрела в ней отход от марксизма.

Апогеем конфликта стало совещание историков в ЦК ВКП(б) в 1944 году. Формально инициатором встречи была А. М. Панкратова, написавшая письмо в ЦК с просьбой разобраться с возмутительными, по ее мнению, случаями апологетики царской России и неверными трактовками отдельных событий. Она писала, что в исторической науке все громче звучат требования о пересмотре марксистского понимания истории, что эти требования главным образом исходят от представителей «школы Ключевского», которые «теперь открыто гордятся своей принадлежностью к этой школе». Ини-

циатива Панкратовой пришлось кстати: во властных кругах давно зрела идея созыва собрания историков, на котором можно бы было обсудить ключевые идеологические проблемы.

Была сформирована комиссия в составе председателя А. С. Щербакова и секретарей ЦК ВКП(б) А. А. Андреева и Г. М. Маленкова. Совещание началось 29 мая 1944 года и продолжалось 1, 5, 10, 22 июня и 8 июля. На мероприятие были приглашены ведущие историки со всего Советского Союза.

На совещании ярко проявился идейный раскол в среде историков. На нем ярко выделилось несколько групп. Следующие можно назвать основными: 1) историки-марксисты, в массе своей ученики М. Н. Покровского, которые отстаивали принципы классового подхода к оценке русской истории; 2) историки «старой школы» и примкнувшие к ним ученые, следующие новой конъюнктуре, которые считали, что русское прошлое должно рассматриваться в позитивном ключе; 3) историки, предложившие придерживаться «золотой середины», что более соответствовало официальной позиции. Последние призывали не искать в истории только негативные черты, но подчеркивать и положительные стороны.

На совещании зримым образом проявилась борьба с «немецким засильем». В особенности досталось труду Н. Л. Рубинштейна «Русская историография». Уже первый выступавший, С. К. Бушуев, возмущенно говорил о том, что в книге не показана непримиримая борьба русских и немецких ис-

ториографов. Слишком выпячивается фигура А. Л. Шлёцера, который, по описанию Рубинштейна, был ученым мирового уровня. «Как немец – так на уровне, как русский – так ученик!» – гневно восклицал выступавший. Он предлагал расширить хронологию «Дранг нах Остен», которая в советских учебниках ограничивалась только XII–XV веками. С его точки зрения, немцы продолжали строить козни против России вплоть до современности, стремясь захватить земли славян.

Сам Рубинштейн вынужден был защищаться и указал, что нельзя судить о национальности по фамилии, а своей книгой, в которой показан органический процесс развития русской историографии, он опроверг представления об определяющем влиянии немецких ученых на становление отечественной исторической науки.

О немецком засилье говорил и Е. Н. Городецкий. Он сказал, что немецкие историки приезжали в Россию с намерениями «иногда довольно темными». Называл их «хищниками, которые проникали в Россию для того, чтобы на легком поприще заработать, схватить, что можно, из исторических документов, опубликовать, превратить в деньги, в славу». Он указал, что роль этих историков, несомненно, реакционная. Мнение Рубинштейна о том, что судить надо не по немецким фамилиям, выступавший поддержал в том смысле, что судить необходимо по их идеологии. А она была антирусской.

Процессы, проходившие в сфере идеологии, и их влияние

на историческую науку, важны для оценки ситуации, сложившейся в этой сфере в последнее сталинское десятилетие. Во-первых, понимание важности исторического знания для поддержания идеологической системы заметно возросло. Во-вторых, военное время заставило пересмотреть национальную политику, что, в свою очередь, сыграло определяющую роль в пересмотре национальных нарративов в дальнейшем. В-третьих, изменение международного статуса подвигло власть к переоценке места, в том числе исторического, народов СССР. Это стало основой для ультрапатриотической концепции, сформулированной идеологами и историками в послевоенное десятилетие. Национал-патриотические идеи, заполонившие историческую литературу военного времени, оказались не менее актуальны и в дальнейшем.

Уже в военные годы шло активное формирование будущей политики партии по отношению к гуманитарным наукам. Озабоченность настроениями интеллигенции появилась еще в 1943–1944 годах. Многие из того, что будет агрессивно реализовываться спустя годы, стало предметом беспокойства и обсуждения идеологов.

Еще одним явлением, обозначившимся в годы войны, стало распространение номенклатурного и бытового антисемитизма. Такая политика начала оформляться еще в довоенное время, но на начальных этапах войны была свернута. После того как военное положение выправилось, в СССР вновь стала нарастать тенденция к дискриминации лиц еврейской на-

циональности. Стало заметно, что при приеме в университеты, на престижные рабочие места и т. д. все большее значение приобретало национальное происхождение. Евреев старались не брать. Коснулось это и историков.

Как видим, многие явления, ставшие печально известными в ходе послевоенных идеологических кампаний, обозначились еще в предвоенные и военные годы. Они латентно присутствовали в общественно-политической жизни страны, идеологам требовалось только активизировать их.

Не только эволюция насаждаемой сверху идеологии оказала колоссальное влияние на историческую науку. Чрезвычайно важным фактором стала трансформация самой социально-культурной среды, начавшаяся еще во второй половине 1930-х годов и ускорившаяся в военное время.

Победа в войне сыграла колоссальную роль в укреплении режима. Огромное впечатление победа произвела и на элиту советской исторической науки. Целый ряд профессиональных историков искренне преклонялись перед действующей властью, даже в репрессиях стараясь найти логическое зерно. Сыграло свою роль впечатление от грандиозности происходивших в Советском Союзе преобразований, попытки строительства нового общества. Успехи персонифицировались в личности Сталина. Литературовед и историк Ю. М. Тынянов признавался К. Чуковскому, зафиксировавшему его мысли в своем дневнике: «Я восхищаюсь Сталиным как историк. В историческом аспекте Сталин как автор

колхозов, величайший из гениев, перестроивших мир. Если бы он ничего кроме колхозов не сделал, он и тогда был бы достоин называться гениальнейшим человеком эпохи». Востоковед И. М. Дьяконов уже в 1990-е годы вспоминал: «Все советское общество, вся интеллигенция старались осмыслить происходившие события, верить в их логичность, понять, научиться».

Достижения Советского Союза, и особенно победа в Великой Отечественной войне, примирили с существующей действительностью и такого заметного историка, как С. В. Бахрушин. По свидетельству археолога А. А. Формозова, Бахрушин считал Сталина деятелем, равным Петру I, приведшим страну к величию и победе во Второй мировой войне. В. М. Хвостов, выходец из русской дореволюционной интеллигенции, воспитанный в семье, где сильны были антибольшевистские настроения, в 1942 году вступил в партию. Его дочь К. В. Хвостова вспоминает: «...Его восхищала мощь государства, достигнутая особенно в послевоенные годы. Он не раз говорил мне, что никогда ранее Россия не обладала таким военным и политическим влиянием и авторитетом». С. О. Шмидт в 1990-е годы отмечал: «Нам была присуща, особенно по окончании войны, также государственно-патриотическая гордость». А. П. Каждан в конце жизни (умер в 1997-м), осмысливая прожитые годы, утверждал: «Сталинизм не был просто грубой одеждой, наброшенной на наше нежное тело, мы срослись с ним и не могли его сбросить».

сильным одним небрежным движением».

Однако иллюзий насчет окружающей реальности было немного. В 1947 году М. В. Нечкина, рассуждая об особенностях советских выборов, признавала, что «наши выборы – это утверждение народом кандидата, предложенного диктатурой». Тем не менее она считала, что такая система, оформившаяся, по ее мнению, с 1937 года, существует в силу сложных исторических условий и с согласия народа: «Мы живем в военном лагере, мир расколот на два мира, и форма, держащаяся десять лет, очевидно, имеет корни и исторически целесообразна, как форма волеизъявления народа».

Впрочем, неприятие действующей власти оставалось у ряда историков. Критического взгляда продолжал придерживаться непримиримый С. Б. Веселовский.

К чему мы пришли после сумасшествия и мерзостей семнадцатого года? – писал он в дневнике 20 января 1944 года. – Немецкий и коричневый фашизм – против красного. Омерзительная форма фашизма – в союзе с гордым и честным англосаксом против немецкого национал-фашизма.

Как видим, никаких симпатий к советскому строю, в отличие от многих своих коллег, он не испытывал.

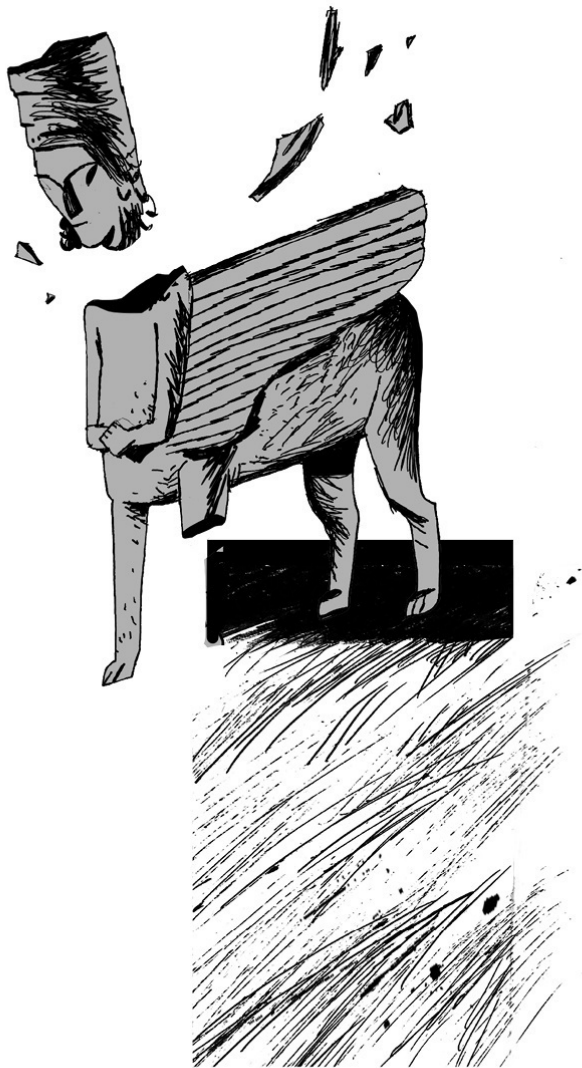
СТАЛИН ЧИТАЕТ ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ И СМОТРИТ ИСТОРИЧЕСКОЕ КИНО

СТАЛИН ЧИТАЕТ ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

Обычно диктаторы любят историю, потому что любят себя в истории. Им мерещатся собственные памятники, пухлые тома биографий с золотым тиснением, шелестящие страницы учебников с их портретами, города и улицы, названные в их честь, и прочие символы исторического величия. Диктаторы почти всегда уверены, что всё делают в интересах граждан своих стран, поэтому благодарные потомки их не забудут. Никогда.

Маленький Иосиф Джугашвили, разумеется, в детстве к роли диктатора не готовился и вряд ли мог представить, что станет властителем огромной страны, занимающей 1/6 часть суши планеты Земля, достигшей к концу его правления статуса одной из мировых сверхдержав. Однако историей он, судя по всему, интересовался с юных лет. Будучи семинари-

стом в Гори, он хорошо учился на первых курсах и имел отличные оценки по церковной истории. Круг чтения молодого семинариста Джугашвили точно реконструировать невозможно. Можно лишь предположить, что он соответствовал тому набору литературы, который был характерен для этой среды. А там были и историки: иностранные – Генри Бокль, Франсуа Гизо, Фридрих Шлоссер, Томас Маколей, и отечественные – Сергей Михайлович Соловьев, Василий Осипович Ключевский.

Но больше, чем скучные труды по богословию и истории, молодого человека увлекала романтическая литература. Известно, что большое впечатление на него произвел роман грузинского классика Александра Казбеги «Отцеубийца» (1882), в котором рассказывалось о приключениях юноши Яго и благородного разбойника Кобы, разворачивающихся на фоне пейзажей родной Грузии и всего Кавказа середины XIX века. Грузия к тому времени уже стала частью Российской империи, но русская администрация и ее ставленник, главный антагонист героев – Григола, влюбленный в ту же девушку, что и Яго, изображены в романе негативно, чего не скажешь о лидере восстания кавказских горцев Шамиле, к которому бегут герои книги. По сюжету Григола убивает Яго, а Коба мстит ему, добываясь тем самым справедливости. Иосиф был пленен книгой, и имя Коба стало его первым революционным псевдонимом. Читал Джугашвили и запрещенного Виктора Гюго, в чем был уличен властями семинарии.

Трудно сказать, интересовался ли тогда будущий вождь народов историей родной Грузии. По мнению современного историка Б. С. Илизарова, Сталин, будучи уже на вершине власти, скорее всего, не очень хорошо знал грузинскую историю, но стремился заполнить этот пробел в знаниях и с жадностью читал исторические труды, раскрывавшие прошлое его исторической родины.

Однако систематического исторического образования (как и какого-либо другого) Сталин не получил, его увлекала революционная деятельность, но на протяжении всей своей жизни он активно занимался самообразованием, в том числе в исторической сфере, к которой питал особую слабость. Книги он любил и читал очень много. Существует расхожее представление, что вождь читал по 400–500 страниц в день. В этом заставляет усомниться плотный график его работы, да и важной частью его досуга являлись многочасовые просмотры кинофильмов, театральных постановок и ночные застолья. Трудно представить, чтобы человек был способен выдерживать такой темп и выкраивать время для чтения огромных объемов литературы. Тем более это справедливо в отношении послевоенного времени, когда стареющему Сталину становилось все труднее поддерживать работоспособность. Многие отмечали его хорошую память. Однако после войны и она стала его подводить. Какие-то вещи он помнил прекрасно, но мог забыть фамилию разговаривающего с ним в данный момент человека.

Сталин имел прекрасные библиотеки (как в Кремле, так и на своих дачах). Когда в 1926 году он поручил своему помощнику Ивану Товстухе создать ему рабочую библиотеку, он хотел, чтобы книги были классифицированы по его собственной системе: не по фамилиям авторов, а по затрагиваемым в них вопросам. Нельзя сказать, что история занимала в этой классификации первенствующее место. Сначала

шли философия, психология, социология, политэкономия, финансы, промышленность, сельское хозяйство, кооперация и, под особыми литерами, – русская история (И) и история зарубежных стран (К). Тематические разделы шли и дальше: под литерой У всплывает история революционного движения в других странах, а история РКП – только под литерой Ш. Особое внимание все же уделялось отдельным персоналиям: Ленину, Марксу, Энгельсу, Каутскому и т. д. Таким образом, история здесь – далеко не царица наук. Возможно, если бы классификацию составляли в 1930-е годы, когда обозначился отчетливый поворот советской политики и культуры в сторону консервативной и пропитанной историей великодержавности, позиции Клио были бы прочнее, а пока пальма первенства отдавалась актуальным дисциплинам, напрямую связанным с построением нового общества и восстановлением экономики.

По требованию Сталина книги для него брали и в главной библиотеке страны – Ленинской. После смерти диктатора, в феврале 1956 года, тогдашний директор библиотеки Павел Богачев попросил вернуть книги, которые были взяты на имя Сталина и осели на его «ближней даче» в Кунцеве. В списке на возврат было 72 наименования, среди которых немало исторической литературы: Геродот, Ксенофонт, П. Виноградов, Р. Виппер, И. Вельяминов, Д. Иловайский, К. А. Иванов, Гереро, Н. Кареев, двенадцать томов «Истории государства Российского» Карамзина и второе издание

шеститомной «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева (СПб., 1896), пятый том «Истории русской армии и флота» (СПб., 1912), «Очерки истории естествознания в отрывках из подлинных работ д-ра Ф. Даннемана» (СПб., 1897), «Мемуары князя Бисмарка. (Мысли и воспоминания)» (СПб., 1899) и другие.

В 1930-е годы интерес к истории Сталина, победившего к тому времени всех политических противников и прочно утвердившегося на олимпе власти, возрастает. Видимо, он все чаще задумывался и о своем месте в истории. В 1934 году он говорил английскому писателю Герберту Уэллсу: «Конечно, только история сможет показать, насколько значителен тот или иной крупный деятель...»

В 1938 году, читая только что переизданную книгу Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (написана в 1884 году), Сталин подчеркнул и даже пометил крестиком следующую мысль: «Будущее способен предвидеть только тот, кто понял прошедшее». Как истинный марксист, он смотрел на науку, в том числе на историческое знание, как на источник практических свершений, инструмент переустройства мира. Известно, что К. Маркс называл себя историком, а на исторических факультетах Страны Советов часто висели размашистые транспаранты с цитатой основателя марксизма: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории».

Сталин любил древнюю историю, особенно Античность. Вообще в сталинском окружении имелись люди, способные похвастать знанием древнегреческого языка и латыни. Сказывалось дореволюционное гимназическое образование, с которым так нещадно расправилась большевистская власть. Во время длинных заседаний политбюро его участники рисовали шаржи друг на друга и подписывали их на древнегреческом или латыни. Сталин, который, как известно, не знал иностранных языков, одну из своих карикатур подписал на латыни – *Koba pinxit* («нарисовал Коба»).

Среди ближайших соратников Сталина почти профессионально древней историей занимался брат его первой жены Александр Сванидзе. Находясь в эмиграции, он обучался в Йенском университете, где прослушал курс по древней истории, прочитанный классиком немецкой исторической науки Эдуардом Мейером. Под руководством Карла Фердинанда Леманна-Хаупта он готовил диссертацию по истории Древнего Востока, однако революционер взял в нем верх над ученым, хотя Сванидзе и продолжал живо интересоваться древностью.

Благодаря его усилиям в 1937 году начал выходить научный журнал «Вестник древней истории». Появление в СССР специализированного издания по древней истории от-

части было обусловлено геополитическим соперничеством с нацистской Германией. Благодаря бесспорному лидерству немецкой науки во второй половине XIX – начале XX века лучшие европейские издания по древней истории выходили именно в Германии. В них публиковались ведущие мировые специалисты. Однако после прихода в 1933 году к власти нацистов эти журналы вскоре начали ориентироваться на гитлеровскую идеологию, доказывая в своих публикациях величие арийской расы и прозрачно намекая, что Третий рейх – наследник великого Рима. В этой ситуации необходимо было создать альтернативный научный центр, задачей которого стало бы продвижение марксистского взгляда на древнюю историю и разоблачение нацистских концепций. Об этом недвусмысленно написал в передовой статье первого номера сам А. Сванидзе. К изданию журнала отнеслись серьезно: выделили валюту на закупку иностранной литературы и выплату гонораров зарубежным авторам; редакция располагалась в здании ЦИК, а тем, кто хотел туда позвонить, необходимо было сказать телефонистке: «Кремль». В декабре 1937 года основатель журнала А. Сванидзе попал в жернова Большого террора и был арестован, а в 1941 году расстрелян. Однако его детище стало флагманом изучения древней истории в СССР.

По мнению известного российского антиковеда Сергея Карпука, Сталин мог иметь непосредственное отношение к выбору названия для журнала, которое пусть и подходит для

какого-нибудь локального вузовского издания с неопределенным тематическим профилем, странно звучит для общесоюзного специализированного научного издания. Такие названия вполне были в духе вождя.

Сталин и сам был не прочь показать себя «знатоком» истории Античности. Причем получалось это довольно неожиданно. Так, 19 февраля 1933 года на съезде колхозников-ударников он заявил, что «революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся». С точки зрения истории в этой фразе ужасно почти все, а особенно утверждение, что некая «революция рабов» ликвидировала рабовладельческое устройство общества (как мы знаем сейчас, роль рабовладения для древнейших государств сильно преувеличена). Получалось, что конец исторической вершины рабовладельческой формации, Римской империи, произошел из-за восстания рабов. Однако самое крупное из них – восстание Спартака (73–71 годы до н. э.), – как известно, если и пошатнуло могущество Римской державы, то не сильно, и после этого она просуществовала еще несколько столетий. Но с живым классиком и вождем не поспоришь. По мнению исследователя советского антиковедения Сергея Криха, выступление Сталина в этой части, не имевшей никакого отношения к колхозникам-ударникам, являлось импровизацией, но импровизацией с далеко идущими последствиями.

Теперь все советские специалисты по древней истории

должны занялись поиском пресловутой «революции рабов». Самым шустрым оказался авторитетный историк с дореволюционным стажем, академик Сергей Жебелёв. До этого он успел хлебнуть горя. Его упрекали в «мертвящем академизме», «фактопоклонстве», неумении мыслить по-марксистски и т. д., на него смотрели как на «старого спеца», «историка старой школы», плохо вписывающегося в новый строй. Но в 1933 году все изменилось. С. Жебелёв опубликовал статью «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре», посвященную восстанию Савмака в Боспорском царстве в 108–107 годах до н. э. Дошедшие до нас источники глухо сообщают о событии, но эти туманные сведения автор интерпретировал должным образом. В изображении С. Жебелёва речь идет о масштабном восстании рабов-скифов против греков-рабовладельцев. Он сравнивал его с грандиозными восстаниями сицилийских рабов во времена поздней Римской республики.

Нельзя сказать, что автор напрямую исходил из указаний Сталина, поскольку известно, что статья была закончена в январе 1933 года, то есть до выступления Сталина, но текст попал в нужную струю. Разумеется, Сталин не читал публикацию С. Жебелёва в издании для узкого круга специалистов. Просто так совпало. Эпизод с восстанием Савмака вскоре вошел во все советские учебники. Другой крупный советский антиковед А. В. Мишулин, написавший книгу о восстании Спартака (Спартакосское восстание. Революция

рабов в Риме в I в. до н. э. М., 1936), уже точно руководство-
вался указанием вождя.

Итак, Сталин интересовался античной историей. Антич-
ный классический стиль, как ничто другое подходящий
для фиксации величия и символизирующий вечность, стал
доминирующим в советской культуре во второй половине
1930-х – 1940-х годах. На смену конструктивизму и аван-
гарду пришел сталинский монументализм, делавшийся с яв-
ной оглядкой на античные образцы. Вообще, диктаторам то-
го времени (Гитлеру, Муссолини) Античность и ее стилисти-
ка представлялись символом вечности, в которую они хоте-
ли вписать свое правление.

Аналогии с Античностью проникали и во властную сим-
волику. Дело в том, что И. В. Сталин всегда позициониро-
вал себя продолжателем дела В. И. Ленина, завершителем
построения нового государства и общества. Исторической
анalogией мог видеться и Август, ставший завершителем де-
ла Цезаря. Недаром Л. Фейхтвангер проводил именно такую
анalogию в своей известной книге (в СССР вышла в 1937
году) о Советском Союзе и его вожде: «Если Ленин был Це-
зарем Советского Союза, то Сталин стал его Августом, его
„умножителем“ во всех отношениях». Правда, осенью 1941
года, когда немецкие войска рвались к Москве, аналогия
приобретала горький привкус. «Что думают и как себя чув-
ствуют наши неучи, обогнавшие Америку. На всех фотогра-
фиях Сталина невероятное самодовольство. Каково-то сей-

час бедному дураку, поверившему, что он и взаправду великий, всемогущий, всемудрейший, божественный Август», — писала в своем известном дневнике Любовь Шапорина.

Сталин много читал литературы по древней истории. Известно, что огромный интерес у него вызывали книги Роберта Юрьевича Виппера (1859–1954). Этот историк был настоящей легендой научного мира дореволюционной России. За диссертацию «Церковь и государство в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма» (1894) ему сразу присудили докторскую степень. После этого он сосредоточился на написании учебников и обобщающих книг, охватывающих широкий хронологический отрезок истории: от Древнего мира до новейшего периода. Его исторические полотна отличались тем, что история в них подвергалась актуализации, рассматриваемая через призму проблем современности. Историк писал об империализме в Древнем мире, находил капитализм в Античности и т. д. Этот взгляд не был данью дешевой публицистике. Виппер являлся сторонником теории «круговорота истории», считая, что явления и процессы воспроизводятся на новых этапах исторического развития, а все общества обязательно проходят общие этапы развития.

Революция 1917 года потрясла историка, разрушив привычный ему мир. Будучи специалистом по зарубежной истории, в 1922 году он издал книгу «Иван Грозный», которую многие читатели того беспокойного времени восприняли как ностальгический реквием по великодержавию почив-

шей империи. Иван Грозный, имевший в российской историографии репутацию кровавого тирана, был показан политиком международного масштаба, творцом великой державы. В то время молодая советская власть не приветствовала такие взгляды. В том же году В. И. Ленин в своей статье «О значении воинствующего материализма» припомнил историку его книжку 1918 года «Возникновение христианства», указав ее в качестве примера «прислужничества господствующей буржуазии, которая во всем мире сотни миллионов рублей выжимаемой ею с трудящихся прибыли употребляет на поддержку религии». Кроме того, брат Виппера Отто печально прославился в качестве обвинителя по антисемитскому «делу Бейлиса». С таким послушным списком рассчитывать на благосклонность большевиков было безумием, поэтому вскоре историк эмигрировал в ставшую независимой Латвию и стал там профессором Рижского университета.

Но если Ленин ругал Виппера, то его верный ученик Сталин восторгался его книгами. Скорее всего, именно Виппер был любимым историком вождя. До нас дошло несколько посвященных древней истории книг Виппера из библиотеки Сталина: «Очерки истории Римской империи» (1908), «Древняя Европа и Восток» (1916), «История Греции в классическую эпоху. IX–IV вв. до Р. Х.» (1916). Все книги испещрены сталинскими пометами, но особенно ему нравились «Очерки истории Римской империи». Книга полна знакомыми читателю того времени терминами: империализм,

капиталист, магнат и т. д. Древний Рим благодаря этому становился понятным и ужасно актуальным. По образному выражению исследователя сталинской библиотеки Б. С. Илизарова, «Сталин как волшебной сказкой был зачарован этой научной монографией».

Известно, что в библиотеке Сталина были и другие издания по древней истории. Учебники: Ковалев С. И., Мишулин А. В., Никольский Н. М., Сванидзе А. С. «История Древнего мира. Учебник для неполной средней и средней школы» (издания 1935 и 1937 годов); Лозинский С. Г. «История Древнего мира. Греция и Рим» (1923). Научно-популярная книга: Снегирев И. Л., Францов Ю. П. «Древний Египет» (1938). Очевидно, список неполон.

Из древнейшей истории Сталина волновал вопрос, непосредственно связанный с прошлым его исторической родины – Грузии. Речь идет об Урарту, древнем государстве, располагавшемся в Закавказье в IX–VI веках до н. э. и бывшем грозным соперником первой мировой державы – Ассирийской империи. В «Кратком курсе истории СССР», вышедшем в 1937 году и ставшем первым общесоюзным школьным учебником новой, сталинской формации, Урарту было уделено значительное внимание. Оно объявлялось первым государственным образованием на территории Советского Союза. Стоит отметить, что в дореволюционных учебниках прошлое страны отсчитывалось с Античности. Зачем понадобилось включать в историю социалистической страны древнее

государство? Видимо, причин несколько. Во-первых, поиски древнейших предков были вполне в духе Европы 1930-х годов. История стала важным идеологическим ресурсом. Так, нацистские историки подчеркивали особую историческую миссию арийских народов, с древнейших времен цивилизовывавших дикие народы. В их трудах территория Советского Союза представлялась пространством «неисторическим», выключенным из цивилизационных процессов. Таким образом, включение в историю СССР Урарту не только существенно удревняло его прошлое, но и включало его в разряд «исторических» пространств. Во-вторых, Урарту решало формационную проблему. Благодаря этому получалось, что страна прошла обязательный этап рабовладельческого общества. В-третьих, то, что история СССР начиналась с Кавказа, могло тешить сильную кавказскую диаспору во власти – Берию, Микояна, а главное – Сталина.

Уже в годы Великой Отечественной войны Сталин читал вышедший в 1943 году на грузинском языке учебник «История Грузии с древнейших времен до начала XIX века». Авторский коллектив состоял из цвета грузинской исторической науки: академиков Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили и С. Джанашии. Авторы были хорошо знакомы Сталину. Так, одна из книг И. Джавахишвили «Введение в историю грузинского народа» была в библиотеке вождя. Знал он и С. Н. Джанашию. Не мог не вызвать его повышенный интерес и школьный учебник, написанный по истории его ро-

дины. Издание сохранило многочисленные подчеркивания читателя, что свидетельствует о его живом интересе к содержанию. В книге утверждалось, что государство Урарту было основано хетто-субарскими племенами, прямыми предками грузин. Это утверждение понравилось высокопоставленному читателю.

Однако не одни грузинские историки стремились заявить права на наследие Урарту. Потомками урартов хотели себя видеть и другие кавказские народы. В 1944 году вышла книга Бориса Борисовича Пиотровского «История и культура Урарту». В работе ощущается сильное влияние яфетической теории Н. Я. Марра, учеником которого был Б. Б. Пиотровский. Урарту было показано автором как сильное, высококультурное государство, являвшееся реальным соперником могущественной Ассирийской империи. Проводилась мысль об огромном влиянии культурного наследия Урарту на народы Кавказа. В то же время автор подчеркивал, что «нельзя ни один из современных закавказских народов непосредственно выводить от урартов, считая урартов его прямыми и единственными предками». В данном случае автор явно шел против течения, поскольку не признавал прямой связи Урарту и грузин. По его воспоминаниям, на одной довоенной конференции академик Грузинской академии наук С. Н. Джанашия требовал у Пиотровского признать прямую родственную связь Урарту именно с грузинами. Несмотря на это, идеологов привлекла именно возможность при помощи

работ Б. Б. Пиотровского доказать древность культуры народов СССР, их заметную роль в мировой истории. Интересно, что Сталинскую премию получили и Пиотровский, и авторский коллектив учебника по истории Грузии.

С трудами Пиотровского Сталин столкнулся еще раз, когда читал вышедший в 1951 году сборник «По следам древних культур». В нем была большая глава, написанная непосредственно Пиотровским и, не мудрствуя лукаво, озаглавленная «Урарту». Если верить пометам читателя, тот буквально вгрызлся в текст, подчеркивая многие места, добавляя знаки вопроса и даже знаменитое «ха-ха» (именно так Сталин любил отмечать неверные, с его точки зрения, места прочитанных им текстов, заочно тем самым высмеивая воображаемых оппонентов). Его явно раздражало то, что, согласно тексту, Урарту больше относилось к Армении, чем к родной ему Грузии. Однако автора спасло следующее утверждение:

В процессе распада этого большого государства Передней Азии, на основе слияния народов мелких стран, входивших в состав Урарту, при освоении его культуры возникли современные народы Закавказья – армяне и грузины, создавшие в последних веках до нашей эры свои государства.

Сталин подчеркнул последнюю часть фразы и поставил литеру N., а слово «возникли» даже обвел карандашом. Его удовлетворили итоговые выводы историка. Вождь был согла-

сен разделить Урарту между грузинами и армянами. «Дружба народов» восторжествовала.

СТАЛИН СМОТРИТ ИСТОРИЧЕСКОЕ КИНО

Сталин любил кино. Особенно ему нравилось жанровое кино: детективы, комедии и вестерны. В фильмах его привлекала простота и доступность восприятия, что и было художественным идеалом диктатора. В его представлении кино должно было в первую очередь выполнять пропагандистскую или, на худой конец, развлекательную функцию, а в идеале и то и другое сразу. Понравившиеся ленты он любил пересматривать. Например, «Чапаева» (1934) он посмотрел 38 раз. А самой любимой картиной Сталина стала комедия «Волга-Волга» (1938). Исторические фильмы, судя по всему, не являлись предметом особой страсти вождя, зато считались очень важными с точки зрения идеологии, в особенности во второй половине 1930-х – 1940-е годы.

Если в 1920-е годы динамично развивавшийся советский кинематограф делал упор на современность, то «исторический поворот» второй половины 1930-х сделал актуальным прошлое. Важной составляющей исторического воображения 1930-х годов оставались герои крестьянских восстаний и революционной борьбы. Выходит целая серия картин о восстаниях и их предводителях: «Пугачев» П. Петрова-Бытова (1937), «Арсен» М. Чиатурели (1937), «Кармелюк» Г. Тасина (1939), «Степан Разин» И. Правова и О. Преображенской

(1939), «Салават Юлаев» Я. Протазанова (1940). Картины не только отразили советскую мифологию народной классовой борьбы, но и преломляли идеологию Большого террора. Они были наполнены современными терминами: там действовали «вожди народа», а «враги народа» плели заговоры и мешали победе.

Начало мировой войны и втягивание в нее СССР сделало актуальным военно-патриотическое историческое кино. Помимо серии оборонных фильмов, в которых воспевалась мощь Красной армии, стремительно разбивавшей напавшего врага и начинавшей бить его на его же территории, вышло несколько исторических картин, задачей которых являлась патриотическая мобилизация на примерах прошлого. Самыми известными можно назвать «Александра Невского» (1938) и «Минина и Пожарского» (1939).

Первоначальный сценарий фильма, написанный П. А. Павленко, назывался «Русь» и вызвал критику со стороны профессиональных историков. Так, специалист по истории средневековой Руси, будущий академик М. Н. Тихомиров заявил, что сценарий является «издевкой над историей». Однако руководство интересовала не историческая аутентичность, а идейная составляющая кино. К работе над фильмом был подключен знаменитый режиссер Сергей Эйзенштейн, подчеркивавший, что «Русь, вырастающая в боях против Азии и Запада, – вот тема картины».

Известно, что первоначально фильм должен был закон-

читься смертью Александра от яда. Причем умереть он должен был на Куликовом поле, где спустя много десятилетий войска его потомка Дмитрия Донского разобьют орды Мамай. Символизм этого совершенно неисторичного эпизода очевиден. Но, согласно воспоминаниям С. Эйзенштейна, Сталин лично указал закончить фильм на мажорной ноте – победой над тевтонскими рыцарями. При этом он якобы сказал: «Не может умереть такой хороший князь».

В «Александре Невском» имелись все актуальные идеологемы военного времени: немцы как главная угроза, внутренние враги, патриотизм простого народа и т. д. Его можно рассматривать в качестве классического воплощения идеологии советского патриотизма. Князь Александр становился частью советского героического пантеона. Его объявили князем, «выполнявшим волю народа». Советизация Александра Невского была завершена. Известный режиссер А. П. Довженко передавал следующий анекдот: «„Папочка, скажи, какой царь, кроме Петра, был еще за советскую власть?“ – „Александр Невский“».

В условиях военной угрозы тех лет фильм рассматривался в первую очередь как антифашистский. Прекрасно снятый фильм был хорошо принят публикой. С. Эйзенштейн получил за фильм Сталинскую премию. Впрочем, сам режиссер считал картину неудачной, идущей наперекор его эстетическим принципам в угоду «политической актуальности темы».

После заключения пакта Молотова – Риббентропа фильм из-за своей очевидной антигерманской направленности стал политически неактуальным, его показ был прекращен. Свою вторую жизнь он обрел в годы Великой Отечественной войны.

«Минин и Пожарский» должен был мобилизовать антипольский патриотизм граждан Советского Союза. Польша считалась одним из главных потенциальных военных противников, а многочисленные поляки, проживавшие в СССР, со второй половины 1930-х годов рассматривались в качестве «пятой колонны». Во время Большого террора была проведена специальная «польская операция» НКВД, по результатам которой за решеткой оказались 143 810 человек, большинство из них было расстреляно (около 77% арестованных).

Образ Смуты начала XVII века также претерпел трансформацию. В дореволюционной России официальный нарратив был посвящен борьбе народа против иноземных захватчиков, восстановлению православной государственности и воцарению династии Романовых. Минин и Пожарский, знаменитый памятник которым стоял на Красной площади, а также крестьянин Иван Сусанин и митрополит Гермоген считались символами русского патриотизма. В советское время на это смотрели иначе, как на процесс обострения классовой борьбы, а Минин и Пожарский считались представителями угнетающих классов. Но все поменялось в кон-

це 1930-х годов.

Фильм основывался на повести «Русские в начале XVII века» Виктора Шкловского, выступившего и автором сценария. Режиссером стал Всеволод Пудовкин. Фильм изобиловал батальными сценами, в которых русский народ громил польскую шляхту и иностранных наемников. Приходилось бороться и против внутренних предателей и иностранных шпионов. Минин и Пожарский представляли величественными вождями. В. Пудовкин открыто признавался, что его задачей было создание «монументальных» образов, а не воспроизводство исторически достоверных деятелей. В декабре 1938 года сценарий был послан на утверждение Сталину. 25 декабря Сталин пересылает его Молотову: «т. Молотов! Следовало бы обязательно просмотреть. Вышло неплохо». Молотов отвечает: «Прочитал. Неплохая вещь».

«Минин и Пожарский» вышел на экраны страны на фоне нагнетания антипольской пропаганды, в том числе в кино. В сентябре 1939 года прошел так называемый польский поход РККА, в результате которого в состав СССР вошли Западные Украина и Белоруссия, а уже в октябре фильм вышел на советские экраны. Один из рецензентов писал:

Славные традиции боевого прошлого русского народа воплощены в освободительной борьбе Красной армии на фронтах Западной Украины и Западной Белоруссии. От «хваленной» доблести и спеси польской военицины, как и три века назад, не осталось и следа.

Еще одним военно-историческим фильмом стал «Суворов», вышедший на экраны в январе 1941 года (режиссеры Всеволод Пудовкин и Михаил Доллер). Картина также была полна историческими аллюзиями и начиналась с подавления Польского восстания 1794 года.

В марте 1941 года на экраны вышел фильм «Богдан Хмельницкий» (автор сценария А. Корнейчук, режиссер И. Савченко), снятый на Киевской киностудии. Сценарий базировался на одноименной пьесе А. Корнейчука, уже несколько лет шедшей в украинских театрах. Нужно отметить, что Богдан Хмельницкий еще недавно рассматривался примерно так же, как Минин и Пожарский. Его описывали как представителя эксплуататорских классов, стремившегося выжать все выгоды из народного антишляхетского восстания и предать восставших. Теперь он представал в образе народного вождя, символа единства России и Украины.

В годы войны историческое кино приобрело новое звучание. Наиболее яркими примерами военного кино стали фильмы, посвященные Кутузову и адмиралу Федору Ушакову. Особое внимание Сталина привлек фильм 1942 года режиссера Михаила Чаурели, снятый по мотивам романа А. А. Антоновской «Великий Моурави». Главный герой фильма – грузинский деятель XVIII века Георгий Саакадзе, моурави (управляющий провинцией). Его целью было свержение (даже при помощи иностранных войск) власти аристократов, мешавших объединению Грузии. Саакадзе – народ-

ный вождь, поднимавший простых людей против феодалов. Известно, что Сталин забраковал сценарий, написанный грузинским писателем Георгием Леонидзе, поскольку тот заканчивался на мажорной ноте – победой войска моурави. Объясняя ошибку сценариста, Сталин указал, что политика Саакадзе была прогрессивной, но провалилась из-за неготовности Грузии к объединению, а привлечение иностранных войск было неверным решением.

Итак, Сталин внимательно следил за исторической литературой и кино. Разумеется, за всем он уследить не мог, и аппарат цензуры не дремал. Еще сильнее была самоцензура. Историки, писатели и режиссеры стремились угадать направление дрейфа идеологии, уловить ее актуальные образы. Часто это не удавалось, получался известный разброс если не мнений, то трактовок. На самом деле даже Сталин не всегда знал, куда идти, правда, при этом всегда понимал, каким должен быть конечный результат.

СТАЛИН РЕДАКТИРУЕТ ИСТОРИЮ ПАРТИИ

Драматическая и непростая история партии большевиков была не просто предметом интереса со стороны ее непосредственных участников, но смертельным оружием политической борьбы. В самый неожиданный момент политическим оппонентам могли припомнить отдельные факты биографии, идеологические уклоны и колебания и тем самым уничтожить их. Сталин прекрасно ориентировался в партийной истории и охотно применял это идеологическое оружие против своих врагов.

При этом он держал под контролем собственное прошлое, и широкой публике делались доступными только те факты, которые он сам отобрал. Не гнушался Сталин и откровенной фальсификацией, всячески превознося свою роль. Известно, что он изымал из обращения отдельные документы, которые, как он считал, можно было использовать против него в качестве компромата.

После победы революции в стране сформировалась разветвленная сеть институций, занимавшихся историей победившей партии и революционным движением в целом. Понимая, что создание собственной версии истории является неотъемлемым компонентом политической легитимации,

большевики (особую роль в этом сыграли В. И. Ленин, М. С. Ольминский, В. В. Адоратский и М. Н. Покровский) инициировали создание Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт). Официально она была образована 25 сентября 1920 года, а с 1921 года действовала на правах отдела ЦК РКП(б), что подчеркивало особый научный и политический статус этой организации. Влияние комиссии еще более усилилось после того, как в 1922 году при ней было создано Общество старых большевиков – наиболее деятельный актив истпартовских начинаний.

Создание Истпарта ЦК РКП(б), а также его влиятельного рупора – исторического журнала «Пролетарская революция» – стало важным шагом на пути институционализации памяти о революции. При партийных органах на местах появились многочисленные отделения Истпарта, собиравшие и публиковавшие источники и исследования о революционной эпохе. С одной стороны, истпарты в 1920-е годы провели огромную работу по сбору документов, воспоминаний и их изданию, а с другой – сыграли контролируемую и цензурирующую роль, поскольку эта структура давала разрешение на публикацию соответствующих документов. Вместе с тем в изданиях Истпарта допускались различные точки зрения на события революции и даже дискуссии, печатались воспоминания не только большевиков.

В 1921 году был создан Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1925-м появился Институт Ленина. Объединение ин-

ститутот привело к появлению Института Маркса – Энгельса —Ленина. Его задачей стали сбор, изучение и издание наследия классиков марксизма-ленинизма. Одновременно он выполнял контролирующую функцию, так как его сотрудники проверяли различные сочинения на предмет следования букве марксизма. В 1953–1956 годах он носил название Институт Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина (ИМЭЛС) при ЦК КПСС.

Бои за историю партии и совершенной ею революции начались сразу после смерти Ленина. С того времени каждый видный партиец стремился доказать, что является бóльшим ленинцем, чем его конкуренты. Серьезный политический резонанс вызвала публикация брошюры Л. Д. Троцкого «Уроки Октября» (М., 1924). Ее появление было связано как с начавшейся внутривнутрипартийной борьбой за политическое наследие Ленина, так и с дискуссиями о дальнейшей судьбе большевистской революции. Троцкий подчеркивал амбивалентную роль мировой войны, которая, с одной стороны, прервала развертывание революционного движения, начавшегося как раз накануне, но с другой – стала стимулом его активизации в дальнейшем.

Особое неприятие партийно-государственной верхушки СССР вызвали два положения, выдвинутые Троцким: во-первых, что партия большевиков в 1917 году не отличалась единством взглядов и действий (при этом Троцкий подчеркивал собственные заслуги в победе большевиков), во-вто-

рых – тезис о необходимости мировой революции. Первое положение напоминало о расколе партии и неприятии частью ее членов ленинской стратегии и тактики, а следовательно, о невозможности рассматривать всех главных партийцев как верных ленинцев (в этой роли Троцкий видел только себя). Второе положение противоречило сталинской концепции построения социализма в отдельно взятой стране, ставшей официальной доктриной СССР после 1925 года.

Пленум ЦК РКП(б) в резолюции от 17–20 января 1925 года постановил, что Троцкий выступил «против основ большевистского мировоззрения». Его обвинили в том, что он «самую историю Октября „излагает“ так, что исчезает роль большевистской партии и выдвигается на первый план роль личности самого Троцкого по формуле „герои и толпа“».

В 1920-е годы, пока шла внутривнутрипартийная борьба, в печать нередко попадали документы, которые могли расцениваться как компромат против руководителей партии. Так, в 1924 году в журнале «Печать и революция» появилась публикация писем Я. М. Свердлова, где тот не очень лестно отзывался о Сталине, с которым находился когда-то в туруханской ссылке: «Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни». Показательно и то, что в описании истории революционного движения в Закавказье местные авторы почти демонстративно обходили молчанием фигуру Сталина.

Уже потом, в начале 1930-х годов, Сталина объявили ведущим революционным деятелем Кавказа. В 1932 году журнал «Большевик» опубликовал статью Сталина «Письмо с Кавказа», датируемую 1909 годом, после чего развернулась бурная кампания по пропаганде роли Сталина. В Грузии открылся НИИ Сталина.

Ключевую роль в создании «кавказского мифа» Сталина сыграл доклад Л. Берии «К вопросу об истории большевист-

ских организаций в Закавказье», где выдвигалась идея двух центров большевизма: одного, возглавлявшегося Лениным, и другого, кавказского, во главе со Сталиным.

В 1930-е годы история играла важную роль в легитимации личной власти Сталина. Образ революции 1917 года претерпел заметную трансформацию. В эпоху «социалистического наступления», когда страна жила в условиях «вражеского окружения», когда возрождалась милитаристская риторика и насаждались ассоциации с временами Гражданской войны («фронт индустриализации», «фронт социалистических преобразований в деревне» и проч.), события революции 1917 года заняли «подчиненное» положение по отношению к истории Гражданской войны, вышедшей на первый план. В этой ситуации в 1930-е годы ведущую роль в трактовке революционной эпохи стал играть уже не Истпарт и Общество старых большевиков, а специально созданная при личном участии И. В. Сталина Комиссия по истории Гражданской войны, рабочим органом которой стала Главная редакция, фактически руководимая И. И. Минцем.

Минц сам прошел Гражданскую войну, служил у красных казаков. Несмотря на антисемитизм, широко распространенный в их среде, казаки быстро признали его за своего. Согласно легенде, как только Минц, назначенный к ним комиссаром, прибыл по назначению, ему налили водки в ведерко для льда и потребовали, чтобы он все выпил. Осушив ведерко, Минц потерял сознание, а очнувшись, увидел над

собой смеющуюся бородатую физиономию и услышал: «А еврейчик-то наш!» В другой раз он умудрился перепить самого батьку Махно, когда вел с ним переговоры. Навык в больших количествах пить крепкие напитки и не пьянеть осталось с ним на всю жизнь, вкупе с юмором и умением произносить цветистые тосты, что делало его желанным гостем на всех банкетах.

Проект по подготовке истории Гражданской войны был начат по инициативе М. Горького 30 июля 1931 года, когда вышло постановление ЦК ВКП(б) об издании «Истории Гражданской войны в СССР». В состав главной редакции издания вошли Сталин, Горький, Молотов, Ворошилов, Киров, Бубнов и Гамарник. Предполагалось, что будет подготовлено 16 томов. Первый том издания посвящался Октябрьской революции, которая рассматривалась как своего рода предыстория Гражданской войны. В дальнейшем, по указанию Сталина, этот том был разделен на два.

Минц обладал житейской хитростью и знал, что из-за многочисленных идеологических поворотов, имевших место в сталинское время, спешить с написанием истории не стоит. Поэтому проект приобрел статус долгостроя. Злые языки утверждали, что на написание «Истории Гражданской войны» денег ушло больше, чем на саму Гражданскую войну.

Первый том, опубликованный в 1936 году, освещал период подготовки революции. В нем повторялась концепция «двух заговоров» накануне свержения самодержавия. Каде-

ты рассматривались как ведущая партия контрреволюции. Главной движущей силой революции объявлялся пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством. Подчеркивалось, что пролетариат сумел нейтрализовать крестьянского «средняка», который представляла армия. По-новому оценивался Корниловский мятеж. Если ранее его рассматривали лишь как эпизод классовой борьбы, то теперь он объявлялся попыткой буржуазии начать Гражданскую войну. Тем самым с большевиков снималась за это ответственность. Подчеркивалось единство «правильной» части партии в курсе на вооруженное восстание, умалялась и негативно оценивалась роль Троцкого в 1917 году. Очень мало внимания уделялось Февральской революции.

«Прежде чем сдать в печать первый том „Истории Гражданской войны“, главная редакция, при ближайшем участии товарища Сталина, внесла в том около 700 поправок и вставок, иногда одно слово коренным образом меняло весь смысл фразы», – отмечалось в предисловии. Действительно, Сталин лично редактировал «Историю Гражданской войны», не только «подправляя» события истории, но и фактически утверждая или вычеркивая тех, кто достоин попасть на ее страницы в качестве героев и «антигероев» революции и Гражданской войны (характерный пример – негативная трактовка роли Л. Д. Троцкого).

Кстати, почему «История Гражданской войны», а не история революции? Дело в том, что большевики, и в особен-

ности Сталин, считали, что Гражданская война не закончилась в начале 1920-х годов, поскольку представители враждебных классов продолжают существовать, в том числе внутри СССР, и борьба с ними продолжается, о чем свидетельствуют многочисленные случаи саботажа и вредительства. Официально классовая борьба закончилась только с принятием Конституции 1936 года.

Победа Сталина в борьбе за контроль над партией привела к тому, что он стремился контролировать и ее историю. Отправной точкой стало письмо Сталина в журнал «Пролетарская революция», опубликованное 26 октября 1931 года. Поводом послужила вышедшая в журнале статья А. Г. Слуцкого «Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса», в которой автор утверждал, что Ленин недооценил опасности центризма в германской социал-демократии. Такое заявление Сталин расценил как покушение на образ Ленина как твердого и прозорливого политика, ведущего партию к революции, и как непримиримого борца с оппортунизмом. Сталин писал, что своими делами Ленин доказал, что всегда боролся с предателями революционного дела. Приведенные Слуцким документы, по мнению Сталина, ни о чем не говорят. «Кто же, кроме безнадежных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы? Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партии и лидеров надо проверять по их делам, прежде всего, а не только по их декларациям?» – возмущал-

ся Сталин. Он проклинал «гнилой либерализм» в освещении истории партии. В статье он обрушился и на своих политических врагов, заявив, в частности, что троцкизм давно перестал быть фракцией коммунизма, а превратился в «передовой отряд контрреволюционной буржуазии». Посыл статьи был очевиден: теперь только действующая власть и лично Сталин обладали монополией на освещение и интерпретацию партийной истории.

Кстати, А. Г. Слуцкий даже не пострадал за столь вопиющие «ошибки». Сталин не видел в нем политического противника и использовал его статью как повод для трансляции новых идеологических установок. Да и времена еще были относительно вегетарианскими. За Слуцким пришли в 1937 году, а после ареста упрятали в лагерь на долгих двадцать лет.

Главной жертвой оказался известный автор учебников по истории ВКП(б) Емельян Михайлович Ярославский (настоящее имя Миней Израилевич Губельман). Он и его книги подверглись разгромной критике на собраниях, посвященных обсуждению письма Сталина в «Пролетарскую революцию». Досталось и Минцу, но того только сняли с педагогической работы. И все же основная тяжесть вины была возложена на Ярославского. В декабре 1931 года политбюро постановило приостановить издание книг Ярославского. Опальный автор писал письма раскаяния. В письме Сталину он признался: «Тяжело стало жить. Прошу вас по приезду принять меня

и помочь мне». Покаяние Ярославского возымело действие: его вновь привлекли к написанию книг по истории партии.

Преыдушие издания были объявлены полными ошибок, неправильных оценок и выводов. Было решено подготовить новые. Между тем произошло убийство С. М. Кирова, ставшее поводом для массовых репрессивных кампаний. В их ходе были арестованы авторитетный историк партии В. И. Невский, прошли чистки в ИМЭЛ, из библиотек изъяли «троцкистскую литературу». Вектор на поиски внутренних политических врагов отгенил и принципы освещения истории партии. В закрытом письме ЦК ВКП(б) к партийным организациям давалась следующая установка:

Нужно, чтобы члены партии были знакомы не только с тем, как партия боролась и преодолевала кадетов, эсеров, меньшевиков, анархистов, но и с тем, как партия боролась и преодолевала троцкистов, «демократических центристов», «рабочую оппозицию», зиновьевцев, правых уклонистов, право-левацких уродов и т. п. Нельзя забывать, что знание и понимание истории нашей партии является важнейшим средством, необходимым для того, чтобы обеспечить полностью революционную бдительность членов партии.

Досталось и народовольцам, которых ранее прочно вписывали в революционный миф и признавали героями. На заседании оргбюро ВКП(б) Сталин возмутился, что молодежь лучше знает народовольцев, чем историю большевиков. По-

чему его это так взволновало? Скорее всего, диктатора пугала пропаганда террористических методов, при помощи которых народовольцы боролись с царским режимом. К такому предположению подталкивает и беседа Сталина с немецким писателем Эмилем Людвигом, проходившая 13 декабря 1931 года. Отвечая на вопрос «Не считаете ли вы, что враги советской власти могут заимствовать ваш опыт и бороться с советской властью теми же методами?» – Сталин сказал: «Это, конечно, вполне возможно».

Как следствие, в постановлении ЦК ВКП(б) говорилось: «Необходимо особенно разъяснить, что марксизм у нас вырос и окреп в борьбе с народничеством (народовольство и т. п.) и на основе разгрома его идейных положений, средств и методов политической борьбы (индивидуальный террор, исключающий организацию массовой партии)».

Сначала хотели подготовить, естественно, под бдительным контролем ЦК, и опубликовать историю ВКП(б) в четырех томах. Но постепенно на первый план выходили просветительские задачи, для которых требовалось относительно компактное пособие. Ранее история партии изучалась в многочисленных кружках и кабинетах. Но, во-первых, рядовые пропагандисты не всегда были достаточно квалифицированы, чтобы на должном уровне осветить историю и политику партии, да и механизм работы был громоздким и ресурсозатратным, во-вторых, такая структура оставляла много пространства для самостоятельных интерпретаций. В-третьих,

работники идеологического фронта были настолько запуганы развернувшимися репрессиями, что боялись не только отвечать на вопросы, но и задавать их. Теперь предполагалось покончить с разногласиями и выстроить единую идеологическую систему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.